

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ольга Куно

ЧЕРНО-БЕЛАЯ
ПАЛИТРА

Annotation

Новое начальство — это всегда плохо! Особенно если начальником над темными магами вдруг решают поставить мага светлого. И этот самый светлый маг вдруг заявляет, что раскрываемость у нас плохая — всего семьдесят процентов! — бардак на столах, отсутствуют необходимые отчеты... Да он просто издевается!

И кажется, я, сержант Тиана Рейс, в первый же день умудрилась нажать себе нового врага в лице своего руководителя, ссыльного аристократа Алджернона Уилфорта. А я всего лишь не очень удачно пошутила.

Сможем ли мы теперь работать вместе? Ведь пока сотрудники отдела по борьбе со злоупотреблением магией темных ругаются, преступники продолжают совершать свои преступления.

Ольга Куно

Черно-белая палитра

Иллюстрация на обложке Вероники Акулич

© О. Куно, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

— Не скрою: я в высшей степени разочарован, — сурово заявил высокий светловолосый мужчина с холодными голубыми глазами. Голубыми, но оттенка, близкого к серому. И повторил: — Я в высшей степени разочарован качеством вашей работы, господа.

Господа — это мы: сержант Райан Лейкофф, младший сержант Дик Норбоу и я, сержант Тиана Рейс. А все вместе — отдел второго округа тель-рейской стражи по борьбе со злоупотреблением магией темных. Разочарованный же светловолосый — новый глава этого самого отдела. После того как наш предыдущий начальник получил повышение, а вместе с ним — перевод на новое место работы, из столицы прибыл этот, капитан Алджернон Уилфорт. Зачем он переехал сюда, неизвестно, но точно на нашу голову. И, уж конечно, скрывать собственное разочарование начальство не должно: ему по статусу не положено. Знать бы еще, чем именно он так сильно разочарован.

— Когда неделю назад я получил это назначение, меня заверили, что во втором округе Тель-Рея работают отличные профессионалы, в том числе и в отделе по борьбе со злоупотреблением магией темных, — продолжал вещать, сдвинув брови, капитан Уилфорт. — Я приезжаю сюда, наблюдаю вашу работу, изучаю отчеты — и что же я вижу?

Мы молчали, вытянувшись по струнке и предоставляя начальству возможность самому сообщить, что же оно такое странное увидело. Начальство наши ожидания оправдало.

— Полное отсутствие дисциплины, безалаберность и низкая результативность! — грозно припечатал капитан.

Я заметила, как широко раскрылись глаза у Дика. Младший сержант, смысленный девятнадцатилетний парень с огромной копной курчавых темно-каштановых волос, был самым юным из нас и потому не всегда умел сдерживать собственные эмоции. Слова начальства покорили всех троих, но мы с Райаном сохраняли видимое спокойствие — пока.

— Чей это стол?

Молчание.

— Я спрашиваю, чей это стол? — рявкнул капитан Уилфорт, указывая на один из трех рабочих столов.

Причина такого интереса к предмету мебели была, увы, очевидна. Упомянутый стол был беспорядочно завален всевозможными бумагами, папками, свитками, перьями и такими не имеющими прямого отношения к сыскной деятельности предметами, как ложка, пара пуговиц и надкушенный пирожок.

— Мой, господин капитан! — нашел в себе силы признаться Дик.

Начальство смерило его тяжелым взглядом.

— Человек, не способный содержать в порядке собственное рабочее место, не способен и хорошо выполнять свою работу, — отчеканил Уилфорт.

Я болезненно поморщилась, пользуясь тем, что капитан сосредоточен в данный момент на бедолаге младшем сержанте. С последними словами я была в корне не согласна. Да, Дик немного неорганизованный и безалаберный, что является естественным следствием его возраста и темперамента и отражается на рабочем столе. Однако назвать парня плохим работником нельзя никак. Он обладает незаурядным умом, физически ловок и по-настоящему предан нашему делу. А такое сочетание качеств дорогого стоит.

Долго концентрировать внимание на младшем сержанте Уилфорт не стал. Вновь посмотрел на всех троих и ледяным тоном (сразу видно, что аристократ, в отличие от нас, простых смертных) продолжил:

— Я изучил все ваши отчеты за последние полгода.

На этих словах уже и у нас с Райаном глаза полезли на лоб. Отчеты, составляемые по окончании каждого расследования, не читал никто и никогда. Эти опусы писались и хранились в архиве с единственной, абстрактной и загадочной, целью «А вдруг когда-нибудь кому-нибудь пригодится?». Ну, изредка бывало такое, что старые дела действительно приходилось поднять. К примеру, потому, что в новом преступлении подозревали рецидивиста. Но чтобы вот так просто сесть и за какую-то несчастную неделю прочитать добрую сотню отчетов, написанную на протяжении полугода?! Мой взгляд невольно смягчился; теперь я смотрела на начальство где-то даже с сочувствием.

— Сожалею, что приходится объяснять столь очевидные вещи, — холодно произнес капитан, — но отчет следует писать так, чтобы его возможно было читать! Человек, не участвовавший в расследовании, должен почерпнуть из такого отчета всю ту информацию, которой обладаете вы, при условии, что она имеет реальное значение для дела! Почерпнуть, не сломав при этом глаза, разбирая ваши каракули, и не сломав голову, толкуя сокращения!

Мы молчали не сказать чтобы покаянно. Скорее просто осознавали бесполезность спора с начальством. Не говорить же, что нудное составление отчетов по закрытым уже делам отнимает время от расследования дел новых и пока нераскрытых. И мы нередко жертвуем первым ради второго. А сокращения используем вполне стандартные, здесь все так сокращают... И вообще, возможно, отчеты — действительно не самая сильная наша сторона, но мы же не думали, что их кто-нибудь станет читать!

— Почему отсутствует отчет о «Деле отличника»? — рявкнул капитан.

— Так ведь дело прикрыли, а преступника забрали стражи из тайной канцелярии, — объяснил Райан. — Для таких талантов у них место всегда находится. Так что он теперь отрабатывает на службе у государства. По официальной версии никакого преступления вроде как и не было.

— Меня не интересуют официальные версии, — отрезал Уилфорт. — Раз дело расследовалось, значит, в архиве должен храниться соответствующий отчет. Значит, так: через неделю отчеты по всем таким «несуществующим» делам за последние полгода должны быть у меня на столе.

Я не удержалась от тоскливого вздоха. Умереть от безделья нам в ближайшую неделю точно не светит. А если говорить точнее, то не столько нам, сколько мне. Доверять отчеты Дику нельзя: у него они будут выглядеть приблизительно так же, как рабочий стол. У Райана — родители, сестры и как раз родственники погостить приехали, ему хоть когда-то дома надо появляться. А у меня в Тель-Рее родных нет, живу одна, вот мне и придется торчать в участке до глубокой ночи.

— Далее, — новое начальство и не думало закругляться. — Уровень раскрываемости в вашем отделе за последний год составил всего семьдесят процентов. Это означает, что каждое третье дело остается нераскрытым. Чем вы можете объяснить столь низкую результативность?

Райан стиснул зубы. Я хорошо его понимала. Еще никто не называл такую раскрываемость низкой. Наоборот, наш отдел был на хорошем счету. Но, вероятнее всего, капитан плохо понимает специфику нашей работы.

— Мы имеем дело с нестандартным видом преступлений, — попыталась объяснить я. — Темная магия почти не оставляет следов, улики обнаруживаются крайне редко. К тому же пострадавшие зачастую сами не подозревают о том, что стали объектами магического воздействия. Либо догадываются, но не решаются в этом признаться. Поэтому в нашем случае даже выявить сам факт совершения преступления — достижение.

— Не спорю. — Было очевидно, что капитан остался равнодушен к моим объяснениям. — Готов поверить, что случаи злоупотребления темной магией особенно сложно выявить. Но в упомянутую мной статистику не выявленные преступления и не входят. Речь идет исключительно о тех делах, которые были заведены в участке и которые так и не были раскрыты. Хочу отметить, что в отделе по борьбе со злоупотреблением магией светлых результативность на порядок выше. Их раскрываемость — восемьдесят процентов. Что из этого следует?

— Что каждое четвертое дело остается нераскрытым? — невинно моргнув, высказался Дик.

— Я счастлив, что сотрудники отдела знакомы с азами математики, — голос Уилфорта был способен покрыть целое озеро толстой коркой льда. — Но вывод напрашивается совсем иной. Сотрудники светлого отдела лучше выполняют свою работу.

Тут уж не выдержали все трое.

— Светлым раскрыть преступление гораздо легче! Их магия оставляет следы! Почти всегда находится масса улик, которые позволяют определить преступника! — закричали мы наперебой.

Снести такую несправедливость, как сравнение в пользу конкурирующего отдела, мы не могли.

— Магия светлых — более прямолинейная и менее тонкая, — выпалила я. И лишь потом прикусила губу, глядя на светлые волосы нового начальства.

Капитан насмешливо изогнул бровь, словно предлагая мне продолжить, но я замолчала. Как правило, преступления, совершенные с применением темной магии, расследовали темные, а злоупотребления светлых — светлые. По той простой причине, что магию собственной масти проще понять и различить, чем чужую. Тем не менее законов, запрещающих расследовать преступления иной масти, не существует. И вот в отдел, специализирующийся на злоупотреблении темной магией, прислали светлое начальство. Кажется, впервые за всю историю существования участка. С какой стати? Кто бы знал...

— То есть вы хотите сказать, — с нескрываемым сарказмом произнес капитан, — что у ваших коллег более легкая работа?

Он откровенно намекал на то, что мы ведем себя будто ученики младших классов. «Он получил пятерку, а я единицу, потому что у него задание было легче». Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, я ответила, изо всех сил стараясь сохранять внешнее спокойствие:

— Нет. Их работа не легче. Но она — другая и сопряжена с иными сложностями. К примеру, в их случае гораздо выше риск пострадать во время задержания. Магия светлых нередко делает своих обладателей опасными противниками в бою. Но в том, что касается улик и неразговорчивости пострадавших, — да, наша работа сложнее. Поэтому и раскрываемость ниже.

Я не кривила душой. Магии темноволосых и светловолосых (а характер магии непосредственно зависит от масти) имеют совершенно разную природу. Светлые воздействуют на физическую, материальную сторону мира. Умения при этом у каждого свои.

Это как с любым талантом. Один пишет стихи, другой рисует картины, третий с легкостью щелкает логические задачи, а четвертый выращивает самые привередливые растения там, где у прочих увядает даже спаржа. Вот и с магическими способностями дело у каждого обстоит по-своему. Есть среди светлых прекрасные лекари, есть люди, воздействующие на погоду. Кто-то умеет передвигать предметы на расстоянии, кто-то — создавать порталы, позволяющие перемещаться сквозь пласты пространства.

Темные — совершенно другое дело. Мы не воздействуем на внешний мир, и нашу магию не используешь в битве. И даже самую легкую пушинку мы не заставим передвинуться вправо или влево, не прикоснувшись. И тем не менее было время, когда нас боялись настолько, что даже сжигали на кострах, ибо одна лишь мысль о темной магии внушала светлым ужас. Потому что мы воздействуем на самое сокровенное. На мозг.

Именно мы способны влиять на мысли человека, на его эмоции, желания и даже физические ощущения. Можем заставить увидеть или услышать то, чего в действительности не существует, ощутить боль без какой-либо объективной на то причины, изведать чувства, которые прежде были под запретом. Страшно звучит? Еще бы. Однако же тут есть два чрезвычайно важных «но». Во-первых, у всех темных, как и у светлых, своя «специализация». Каждый может воздействовать лишь на определенный участок мозга, и природа воздействия зависит от того, за какие именно функции отвечает этот, зачастую крохотный, участок. Во-вторых, сама природа позаботилась о том, чтобы защитить человека от злоупотребления темной магией. Мозг успешно противостоит воздействию, если оно расценивается как наносящее человеку вред. Поэтому, каким бы умелым ни был темный маг, ни один человек не последует такому приказу, как «Почувствуй боль!» или «Спрыгни с башни!» — если только, по какой-то причине, подобный приказ не соответствует пожеланиям самого человека. Зато мозг с легкостью поддается магии, блокирующей боль, и среди темных немало прекрасных анестезиологов.

Словом, не масть делает человека опасным, а совершенно иные свойства. И уровень преступности среди светлых и темных приблизительно одинаков. Одинаков в процентном отношении, если учесть, что темных рождается значительно меньше, чем светлых. Больше того, уровень преступности в нашей стране не сильно отличается от тех стран, жители которых лишены магических способностей. Магия влияет не на число преступлений, а исключительно на их природу.

— В аналогичных отделах других округов раскрываемость не выше, чем у нас, — заключила я.

Холодные глаза, которые сейчас казались скорее серыми, чем голубыми, немного сузились.

— Меня совершенно не интересует, как обстоит дело у других, — непоследовательно заявил Уилфорт. Значит, сравнивать со светлым отделом он может, а с темными отделами других участков — ни-ни! — Меня интересует исключительно ваша результативность, и я считаю ее неудовлетворительной. Поэтому мы поступим следующим образом... — Он ненадолго задумался. — Уровень раскрываемости должен повыситься уже в следующем месяце. Через полгода раскрываемость должна достичь восьмидесяти процентов. Хотя нет, восемьдесят — это результат светлого отдела. Значит, восьмидесяти двух.

Мы стояли, выпучив глаза, и, судя по поведению нового начальства, имели все шансы надолго сохранить данное сходство с жабами. И как, скажите на милость, прикажете допрыгнуть до таких-то высот? Да ни у одного темного отдела в стране никогда не было

такого результата! Но вслух это говорить было бессмысленно.

— Вам все ясно? — осведомился напоследок капитан.

Нам очень многое было неясно, но мы опять-таки не сочли нужным сей факт афишировать.

— Так точно! — отчеканили мы и не без удовольствия проводили взглядом кивнувшее в знак прощания начальство.

Да так и остались стоять, переваривая услышанное. М-да, вот это начало сотрудничества. Нет бы собрать нас всех по-человечески, расспросить обо всем, побеседовать. Раскупорить бутылку легкого вина, в конце-то концов!

— Это надо запить, — замогильным голосом отметила я.

— Точно, — сразу же согласился Райан. — Надо ведь как-то отметить вступление в должность нового начальства.

И он мотнул головой, откидывая в сторону отросшую челку, которая начинала лезть в глаза. Челку, сводившую с ума десятки женщин, молодых и не очень. В рестораны сержант каждый раз приходил с новой спутницей, и девушки оказывались одна другой красивее. Да и в интересах следствия Райан неоднократно пользовался своим личным обаянием. Если этому ничто не препятствовало, свидетельниц женского пола допрашивал именно он, поскольку жгучему брюнету с проникновенным взглядом дамы были готовы сказать существенно больше, чем таким заурядным следователям, как мы с Диком.

— Я мог бы принести, — неуверенно предложил последний, — но что, если этот заметит?

Слово «этот» он произнес шепотом, недвусмысленно покосившись на дверь, через которую покинул наш кабинет капитан Уилфорт.

— А ты сделай как тогда, на дне рождения Бесс, — усмехнулся Райан.

Губы Дика тоже растянулись в озорной улыбке.

— Ага!

Энергично кивнув (каштановые кудри разметались по голове), он выскочил за дверь.

Бесс была симпатичной светловолосой девушкой, работавшей у нас в участке секретарем. Ее день рождения мы достаточно бурно отпраздновали прямо на работе. Настоящее празднование, конечно же, подразумевало спиртные напитки, однако проносить их в рабочее здание было строжайше запрещено. Впрочем, стражи у нас служили находчивые, смекалистые и потому способы обойти данный запрет находили. К примеру, Бертран Миллорн, старший сержант из светлого отдела, которого мы чаще всего называли Белобрысым, однажды пронес на территорию бутылку самогона, на полном серьезе объяснив охраннику на входе, что речь идет о вещественном доказательстве. Уходя с работы с опустевшей бутылкой, он нетрезвым голосом сообщил охраннику, что жидкость испарилась в ходе следственного эксперимента. Скандал, помнится, вышел знатный. Хохотал весь участок.

На тот момент, когда мы отмечали день рождения Бесс, аналогичные предложения прокатить уже не могли. Поэтому Дику пришлось прибегнуть к иному средству. А именно — налил коньяк в самый обыкновенный термос для чая. И под видом того самого травяного напитка благополучно пронес в здание. Именно таким образом и предложил поступить сейчас Райан.

Довольный Дик вернулся через четверть часа с большим синим термосом. Мы достали из шкафчика глиняные чашки и разлили по ним напиток, напоминающий чай исключительно цветом. Но стоило нам сесть поудобнее и приготовиться торжественно

выпить за новое начальство, как шум шагов возвестил о приходе последнего. Торжественность момента была нарушена.

Капитан Уилфорт вошел, окинул нашу компанию спокойным, чуть усталым взглядом и неожиданно дружелюбно поинтересовался:

— Что делаете, господа?

Господа воровато переглянулись.

— Да вот, чаю решили выпить в конце рабочего дня, — ответил Райан, демонстрируя собственную чашку.

— О, чаю — это прекрасно! — покивал капитан. — А плесните-ка мне тоже немного. Вы ведь не будете возражать, если я к вам присоединюсь?

Дик затравленно на меня оглянулся. Я не знала, как быть. Вот и посидели вчетвером, поговорили, познакомились... Я прикусила губу, тщетно пытаюсь придумать хоть какой-нибудь выход.

— Чай уже остыл, — нашелся прежде остальных Райан. — Термос никуда не годится.

— Ничего. — Когда это было ненужно, Уилфорт вдруг проявил неприязнительность. — Выпью какой есть.

Я извлекла из шкафчика еще одну чашку. Дик растерянно перелил в нее немного коньяка из термоса. Действовать мы старались медленно, будто надеялись, что если как следует потянуть время, Уилфорт уйдет, так и не попробовав напиток.

— Я предпочитаю сладкий чай, — заметил капитан после того, как Дик отставил в сторону термос. — Будьте любезны, добавьте в чашку две ложки сахара. Или даже три.

Сглотнув, Дик насыпал в коньяк три ложечки сахарного порошка и тщательно размешал.

«Все равно не растворится», — подумала я.

Однако это было еще не все.

— И добавьте немного молока, — продолжил командовать Уилфорт. — Я пью чай с молоком.

— А. Я не знаю, свежее ли оно, — вмешалась я.

— Наверняка свежее, — возразил капитан. — Вы ведь добавляете его в кофе.

Выбора не оставалось. Дик, зажмурившись, плеснул в чашку с коньяком молока.

Я с ужасом покосилась на получившийся напиток. Оставалось надеяться на одно: что Уилфорт умрет сразу и не успеет нас всех уволить.

Дик нерешительно поднес пойло капитану.

— Отпейте, — и бровью не поведя, велел тот.

— Что? — прокашлявшись, переспросил Дик.

— Отпейте, — спокойно повторил капитан. — Хочу удостовериться, что с чаем все в порядке.

Мы с Райаном сочувственно посмотрели на коллегу. Попрощались с ним взглядами. Сделав глубокий вдох, Дик прикрыл глаза и решительно поднес чашку ко рту...

— Достаточно, — голос капитана грубо оборвал процесс самопожертвования на корню. — Поставьте на стол.

Дик послушался с нескрываемым чувством облегчения.

— Если еще раз увижу, что вы пьете алкоголь на рабочем месте, уволю всех, — отчеканил Уилфорт. Отвернулся было от Дика, но затем добавил: — Младший сержант, мне вот любопытно. Неужели выпить эту гадость было проще, чем признаться в проступке?

Дик потупил глаза, не зная, что сказать, но капитан и не ждал ответа. Прошел к двери,

ненадолго остановившись лишь напротив меня.

— Я разочарован, сержант Рейс. Как женщина вы могли бы образумить своих коллег.

Он вышел из комнаты, а я, как ни странно, выдохнула с облегчением. Образумить, как же! Воображаю, как сильно бы вы разочаровались, если бы узнали, что именно сержанту Рейс принадлежала светлая идея выпить на рабочем месте.

Мы с ребятами молча переглядывались, оценивая степень прошедшей стороной опасности. Дика ощутимо потряхивало.

— Надо напиться, — глубокомысленно изрекла я.

Мою идею поддержали с энтузиазмом.

На этот раз рисковать и пить на рабочем месте мы не стали, тем более что рабочий день уже подошел к концу. Поэтому мы дружно, всей троицей, отправились в таверну «Шахматная доска».

Над входной дверью красовалось изображение доски, состоящей из черных и белых квадратов. Наглядный намек на демократичность данного заведения, в равной степени радушно встречающего как светлых посетителей, так и темных. Впрочем, дискриминация по признаку масти последние лет сто и без того была не в почете, так что демократичность заведения заключалась не только в этом. Главное — здесь было место как для аристократов, так и для посетителей простого происхождения. Огромный обеденный зал делился на две неравные части. Первая, охватывающая большую часть помещения, была уставлена простыми деревянными столами разных размеров. За маленькими свободно усаживалось четыре человека, за более длинными — дюжина. Вторая часть, поменьше, располагалась на небольшом возвышении. Поднявшись всего на две ступеньки, можно было насладиться более изысканной обстановкой. Круглые столики, покрытые белоснежными скатертями, хрупкие свечи, стулья с высокими спинками. Демократичность, как и все прочее, должна иметь свои границы.

Выбор блюд, соответственно, был самым разнообразным: можно было заказать как простую и дешевую пищу, так и дорогие деликатесы. Однако и в том и в другом случае еда была вкусной и сытной. Повар «Шахматной доски» готовил виртуозно, поэтому даже те, у кого в карманах водилась только мелочь, были не в обиде. Простейшая похлебка и тушеная говядина приобретали здесь отличный и своеобразный вкус за счет одному лишь повару известных приправ. Словом, людям побогаче приходилось терпеть шум, создаваемый клиентами попроще, а последним — вид чистых скатертей и дорогой еды. Но, как ни странно, сохранить хрупкое равновесие удавалось, и дело обходилось без конфликтов. Не столько даже благодаря нашим регулярно заглядывающим сюда коллегам из отдела мелких правонарушений, сколько за счет таланта повара, радушия официантов и общей атмосфере заведения, притягивавших сюда представителей разных сословий.

Мы с ребятами, ясное дело, ограничивались той частью зала, что попроще. На сержантское жалование не попикуешь. К тому же тот факт, что мы, не строя из себя хозяев мира, ели и пили бок о бок с простыми людьми, впоследствии немало помогал в работе. Во втором округе нас многие знали в лицо, относились по-приятельски и с удовольствием оказывали посильную помощь в расследованиях.

Вот и сейчас, протискиваясь между скамьями, мы то и дело отвечали на приветственные выкрики и пожимали протягиваемые с разных сторон руки.

— О, Райан, привет! Зашел выпить пару кружечек?

— Есть повод! — откликнулся Райан, продвигавшийся через зал впереди нас.

— Сержант Рейс! Как ваше здоровье? — крикнул Дейв, продавец посуды, также приторговывавший иногда дешевыми ювелирными изделиями сомнительного происхождения.

Возможно, неофициальное общение с подобными личностями и покажется человеку вроде капитана Уилфорта недопустимым, однако именно такие, как Дейв, становились порой совершенно незаменимыми информаторами. За это можно было закрыть глаза на некоторые его мелкие прегрешения.

— Не жалуясь, Дейв! — откликнулась я на ходу.

К слову, наша принадлежность к городской страже была очевидна и для тех, с кем мы не были знакомы лично. Поскольку мы пришли в таверну непосредственно со службы, то и одеты были соответственно. Служебная форма состояла из синих брюк, синего же камзола с высокими обшлагами, шевроны на которых информировали о звании стража, белой рубашки и черных ботфорт. У меня дома лежал и другой вариант формы, с узкой синей юбкой, но я нередко расхаживала по городу в брюках.

— Скажи, Райан, — проговорила я после того, как нам принесли заказ. Из моей тарелки аппетитно пахло куриными крылышками, приготовленными в отличном медовом соусе. Но даже это не могло полноценно исправить мое настроение. — Ты же не считаешь себя великим грешником?

— Нет, — усмехнулся брюнет, — не считаю.

И он послал многозначительную улыбку незнакомой девушке, сидевшей за соседним столиком. Та зарделась.

— А ты, Дик? — продолжала расспрашивать я.

Дик думал подольше.

— Нет, — решил он наконец. — Я, конечно, не ангелок с белыми крылышками, но и до великого грешника мне далеко.

— В таком случае объясните мне, пожалуйста, — взмолилась я, — за что нам послали такое наказание?!

— Ты о чем?

— О новом начальнике!

— Тиана, — Райан перестал перемигиваться с незнакомкой и сосредоточился на разговоре, — насчет наказания, конечно, не знаю и за вселенскую справедливость я тоже не в ответе. Но вот по поводу того, каким ветром в наши края занесло Уилфорта, кое-что сказать могу.

— Ты что-то знаешь? — вскинула брови я, удивившись скрытности приятеля. До сих пор он ни словом не намекнул на свою осведомленность.

— Знать не знаю, но тут и догадаться несложно, — небрежно отозвался Райан.

— Что-то, кажется, я теряю хватку, — непонимающе нахмурилась я.

— Просто ты пропускаешь ситуацию через себя, — снисходительно откликнулся Райан. — А ты попробуй посмотреть со стороны.

— В другой раз попробую. — Сейчас я не была настроена разгадывать головоломки. — Ну выкладывай, до чего ты додумался?

Райан отложил вилку с ножом и небрежно пожал плечами.

— Посуди сама, — начал он. — Ты не находишь, что это назначение — со всех сторон странное?

— Ты имеешь в виду то, что начальником темного отдела назначили светловолосого? — решила уточнить я.

— Да нет, дело даже не в этом. Просто что человеку вроде него вообще делать в каком-то несчастном округе какой-то несчастной городской стражи?

— Намекаешь на то, что он — аристократ, — понимающе протянула я.

— Аристократ, — подтвердил Райан, — и наверняка из высших.

— Почему?

Различия между герцогами, графами, баронами и носителями прочих титулов в нашей стране отсутствовали. Разделение существовало лишь на две группы — высших и... просто аристократов. Термин «низшие» не использовался, видимо для того, чтобы не оскорблять чувства дворян. В высшую элиту входили король и его родственники, придворные, люди, занимающие важные государственные посты; принимали туда и за прочие заслуги перед короной. При этом следует отметить, что теоретически в высшее дворянство за эти самые заслуги мог попасть человек, родившийся простолюдином, однако на деле такая демократичность проявлялась нечасто. Кроме того, дети высших дворян, как правило, наследовали ту же степень дворянства, даже если сами они такую честь ничем особенным не заслужили.

— Да ты на манеры его посмотри, — уверенно ответил Райан. — На мимику, на жесты, да на все.

Я с сомнением пожала плечами. Райан меня не убедил. На мой скромный взгляд, Уилфорт вполне мог оказаться и из низших аристократов, ну то есть самых обыкновенных.

— Не уверена, — честно сказала я. — Но не важно. Продолжай.

— Подумай: что такой, как он, вообще может делать в городской страже, к тому же даже не столичной? — принялся излагать свои соображения Райан. — Да у нас сроду аристократы не служили, тем более высшие! Даже Дедушка — и тот начинал с обычного рядового.

«Дедушка» — это мы так за глаза, но любовно называли главу городской стражи второго округа, полковника Михаэля Ленна. Действительно, прошедший весь путь от рядового до полковника, он был отличным начальником, строгим, когда надо, но в отдельных случаях и допускавшим некоторые безобидные послабления молодежи. Юному Дику, да и нам с Райаном (обоим немного за двадцать) он действительно годился по возрасту в деды, но тем не менее уходить на покой пока не собирался.

— Далее, — похоже, это было только начало рассуждений, — как вам нравится тот факт, что Уилфорт — всего лишь капитан? — Райан обращался теперь к нам с Диком; последний слушал с очевидным интересом, даже слегка приоткрыл рот. — Это ведь только мы продвигаемся с нуля и не можем пропустить ни единой ступени. А дворяне вроде Уилфорта начинают куда как выше. Капитаном он мог быть разве что при рождении!

— Нет, при рождении все-таки страшим сержантом, — хихикнул Дик.

— Старшим сержантом — при зачатии, — не согласился Райан. — Одним словом, Уилфорт в звании капитана — это нонсенс.

— И что ты хочешь сказать? — нахмурилась я. — Что его понизили за какую-то провинность?

— Я вижу два варианта, — охотно ответил Райан. — Вариант первый: его действительно понизили в звании и сослали из столицы в глушь в наказание... уж не знаю, за что.

— Ну уж прямо и в глушь, — обиделась я. — Тель-Рей — второй по величине город

после столицы.

— Главное — что не столица, — отмахнулся Райан. — К тому же, поверь, он привык служить в совершенно иных местах, где и работа попрестижнее, и под ногами не вертится всякое быдло вроде нас. Однако во всем этом есть один простой плюс. Наверняка мера — временная. Достаточно скоро все успокоится, Уилфорта простят и вернут если не на прежнюю должность, то уж во всяком случае в столицу. И будет нам счастье.

— Ты говорил, что есть еще второй вариант, — напомнила я.

— Есть. — Взгляд Райана скользнул по сидящей за соседним столиком девушке, но поглощенный разговором сержант не стал на нее отвлекаться. — Вариант второй: Уилфорт приехал в Тель-Рей по какому-то особо важному заданию. А капитанство и вообще служба в нашем отделе — всего лишь прикрытия. В этом случае он тем более исчезнет, едва задание будет выполнено. А пока просто разыгрывает из себя строгое начальство для отвода глаз.

Я оперлась о стол локтями — признак дурного тона среди аристократов, а вот для нас поза совершенно допустимая и, главное, удобная, — и постучала кончиками пальцев друг о друга. Поверить в версию с прикрытием очень хотелось, но...

— Первый вариант — более вероятный, — призналась самой себе я. — Если бы его внедрили к нам по заданию, не было бы таких вопиющих нестыковок. Там, наверху, работают профессионалы; уж они сумели бы изобразить все так, чтобы комар носа не подточил. А раз странности налицо, значит, увы. Думаю, все это по-настоящему.

— Может, и так... — Райан не разделял моей уверенности, но и спорить нужным не считал. — Как я уже сказал, Уилфорт долго у нас не задержится при обоих вариантах.

Что ж, это внушало некоторый оптимизм. Значит, остается лишь собрать волю в кулак и перетерпеть. Не идти на конфликт с новым начальством и удержаться на службе до его ухода. Поскольку если этот начальник нас уволит, совсем не факт, что следующий решит восстановить.

— Ого! — неожиданно присвистнул Райан.

Я вопросительно изогнула бровь: оба сослуживца сидели напротив меня и сейчас смотрели куда-то за мою спину. Что там, особенно красивая девушка, что ли, вошла?

— Тиана, обернись-ка, только осторожно, — тихо и едва размыкая губы посоветовал Дик.

Я так и поступила. И чуть было не выронила из руки хлеб. Вкусный, кстати, выпекавшийся прямо на месте. Потому что между скамьями, повторяя наш недавний путь, шел предмет нашего разговора собственной персоной. Капитан Уилфорт направлялся к возвышению вместе с элегантного вида дамой. Изысканная аристократка в длинном узком платье и наброшенном на плечи манто мило улыбалась спутнику, помогавшему ей пересечь шумный и многолюдный зал. Сам капитан, в отличие от нас, успел переодеться и теперь совершенно не походил на старшего следователя городской стражи. Элегантные брюки, рубашка с кружевным жабо, расшитый серебром камзол. Ни дать ни взять дворянин, ведущий в ресторацию свою даму и понятия не имеющий, что такое служба в каком-то жалком участке.

Проходя мимо нас (а столик, за которым мы расположились, находился совсем недалеко от возвышения), капитан остановился, кивнул в знак приветствия, а затем повел свою даму дальше. Это радовало: я, признаться, приготовилась было к тому, что нам сейчас прочтут гневную лекцию о недопустимости распития спиртных напитков даже на нерабочем месте. Но ничего подобного не произошло, и теперь я молча наблюдала за тем, как Уилфорт

пододвигает стул своей даме, затем обходит стол и усаживается напротив.

— Тиана, у тебя невероятно недовольный вид, — хмыкнул Дик.

— А как он может быть довольным? — вскинулась я. — Даже здесь покоя нет! Теперь ведь не посидишь как следует.

— Надо во всем видеть плюсы, — философски произнес младший сержант. — Теперь мы знаем, что Уилфорт — нормальный мужчина и ценит женский пол. Следовательно, в крайнем случае ты сможешь этим воспользоваться. А стало быть, ты в выигрышном положении по сравнению со мной и Райаном. Если Уилфорт разозлится на нас, у нас не будет аналогичного метода воздействия.

Светская дама на моем месте, конечно, оскорбилась бы намеку, но я — девушка простая и подобные шутки со стороны сослуживцев, с которыми мы прошли огонь и воду, воспринимаю совершенно спокойно. Поэтому вместо возмущенного «Да за кого ты меня принимаешь?!» я просто скривилась:

— С Уилфортом? Да никогда! Пускай лучше увольняет. Мне никогда не нравились блондины. И потом, учитывая его темперамент, в постели он наверняка ведет себя как бревно. Еще и замечания будет делать. «Сержант Рейс, вы принимаете эту позу в семидесяти процентах случаев, а надо в восьмидесяти двух!» — произнесла я, стараясь скопировать интонации капитана.

Приятели засмеялись, а я почувствовала, как все холодеет внутри. Ибо холодные серые глаза смотрели на меня в упор. Он же не мог слышать моих слов? Он слишком далеко для этого сидит! Но взгляд не оставлял никаких сомнений: он слышал. И еще припомнит.

Когда Уилфорт отвернулся, переведя внимание на свою спутницу, я со стоном уронила голову на руки.

Вряд ли кого-нибудь удивит то обстоятельство, что на следующее утро я не испытывала ни малейшего желания идти на службу. Очень хотелось остаться дома и здесь же дожидаться извещения об увольнении. А вот смотреть в глаза Уилфурту или, того хуже, остаться с ним один на один не хотелось категорически.

Однако я понимала, что давать Уилфурту такой замечательный повод для увольнения, как прогул, не следует. Если капитан захочет от меня избавиться, придется ему придумать другую причину. И еще посмотрим, так ли это окажется легко. Поэтому я с тяжелым вздохом встала с постели, оделась в форму и даже пожевала позавчерашний хлеб с сыром и пару листов капусты, наспех оторванных от кочана. Более основательных завтраков в моем доме, как правило, не водилось.

Я собиралась, слушая вполуха передаваемую по эхолинии передачу. Эхолинии были изобретены около полутора веков назад и до сих пор заслуженно считались одним из величайших достижений в области магических технологий. Это был результат совместной работы темных и светлых магов. Работало изобретение следующим образом. Где-то в студии эховедущий зачитывал текст или, к примеру, брал у кого-нибудь интервью. При помощи светлой магии производимые при этом звуки передавались на большие расстояния на определенной частоте. Далее их «ловил» приемник, сделанный наподобие человеческого мозга. Не всего мозга, конечно, а определенных его частей. Этот искусственный мозг воспринимал звуки приблизительно по тому же принципу, что и настоящий, — тут уже вступала в работу магия темных. А затем приемник те же самые звуки воспроизводил. Принцип примерно тот же, что и когда человек слышит чужую речь и повторяет ее слово в слово. Отсюда и название «эхолинии». А вот остальное зависело от приемника. Более простые и дешевые «говорили» одним фиксированным голосом. Слушать интервью по ним было сложновато, поскольку приходилось догадываться, в какой момент перестает говорить один человек и начинает другой. Зато такие приемники были по карману практически всем. Именно такой стоял у меня в доме. А вот более дорогие модели обладали дополнительным свойством — способностью копировать голоса. Будто человек с талантом пародиста. Такие мне довелось послушать всего несколько раз, и это, конечно же, было здорово. Создавалось впечатление, будто эховедущий находится прямо рядом со мной.

В данный момент по эхолинии передавали интервью с каким-то высшим дворянином, собравшим самую большую в стране библиотеку. В нее, в частности, входили редкие книги как по темной, так и по светлой магии. Тема была интересная, но времени у меня оставалось в обрез, так что и слушала я невнимательно. Окончательно собравшись, выскочила за дверь, держа в руке недоеденный бутерброд.

Придя на службу, осторожно, почти на цыпочках прошла по коридору, заглянула в наш кабинет и, увидев, что там никого нет, кроме Райана, вошла.

— Где этот? — шепотом спросила я, прикрывая дверь.

Райан усмехнулся, сразу поняв смысл моего вопроса.

— У Дедушки на совещании, — расслабленно отозвался он. — Не волнуйся: ближайший час он вряд ли появится.

Я выдохнула с облегчением:

— Ну и отлично.

И задумалась, чем бы сейчас заняться. Все серьезные дела мы к этому моменту как раз успели закрыть. Надо бы писать отчеты, но... Это занятие надолго, уж точно дольше, чем на час. Засев за отчеты, я непременно бы рано или поздно встретила с Уилфортом в этом кабинете. Поэтому, немного подумав, решила распорядиться своим временем иначе.

— Схожу-ка, пожалуй, в бордель! — провозгласила я.

— Ох и бедовая же ты девчонка! — хихикнул вошедший в кабинет Дик. — Имей в виду: побочные заработки в служебное время начальством не поощряются.

Я на ходу отвесила ему подзатыльник.

— Добрый день, госпожа Рейс!

Привратник пропустил меня в бордель без всяких вопросов, поскольку хорошо знал в лицо, да и форма оставляла мало шансов остаться неузнанной.

— Мадам у себя? — осведомилась я.

— У себя, госпожа Рейс, — подтвердил привратник, всегда общавшийся со мной подчеркнуто вежливо — как-никак представитель власти. — Где же ей быть?

Я кивнула с чувством облегчения: все же время для подобного заведения раннее, и хозяйки вполне могло здесь не оказаться. По-хорошему, идти сюда следовало ближе к вечеру, но уж больно сильно мне хотелось сбежать из участка под благовидным предлогом. А посещение борделя для профилактики именно таким предлогом и являлось. Были, конечно, и другие злачные места, но так сложилось, что мне достался именно дом свиданий.

К моему удивлению, здесь даже присутствовало несколько человек. Видимо, девочки работали по сменам. Я направилась к кабинету мадам, но встретила ее уже в холле.

— А, сержант! — приветственно протянула светловолосая женщина лет тридцати пяти-сорока в платье, облегающем весьма аппетитную фигуру. — Какими судьбами?

— День добрый, Эльза. Пока просто побеседовать, — ответила я, шагая вместе с ней к кабинету.

Вообще-то по документам хозяйку заведения звали Джен, но видимо, женщина сочла, что для ее рода деятельности это недостаточно звучно. Знала я об этом по той простой причине, что мне доводилось эти самые документы проверять. Помнится, взглянуть на них тогда удалось лишь после продолжительных препирательств и чуть ли не за подписку о неразглашении.

— Ты каждый раз пытаешься запугать меня этим «пока», — фыркнула Эльза, открывая дверь. — И каждый раз безрезультатно.

— Если бы у меня была цель пугать, я бы работала в огороде, — отозвалась я. — А я, как видишь, страж.

— Послушай, страж, — протянула хозяйка, садясь в круглое красное кресло и указывая мне на еще одно, напротив, — когда же ты наконец перестанешь к нам приходить, а? Когда вместо тебя к нам начнут присылать мужчин?

— Я ведь могу и обидеться, Эльза, — предупредила я. — И потом — вам что — здесь мужчин не хватает?

— Нам-то хватает, — отмахнулась она. — Но с мужчинами всегда бывало так легко договориться. Выбирает себе любую бесплатно — и закрывает глаза на все, что нужно.

— Уж извини, — развела руками я. — Однако мне казалось, что вы не возражаете против добросовестной работы стражей. Раньше, во всяком случае, вы на нее не жаловались.

Регулярно посещать это место я стала после того, как мы повязали одного темного с

садистскими наклонностями, использовавшего девушек из борделя для своих экспериментов. С тех пор отношения у нас с Эльзой были вполне приятельские, так что сейчас она ныла все больше для проформы.

— Ладно, давай рассказывай, — решила не раздувать конфликт я. — Были какие-нибудь неприятности? Нападения, поножовщина, избияния, поджоги?

— Да ничего такого, — отмахнулась Эльза. — У меня заведение пристойное. Ну, пяток пьяных драк за все это время — сама понимаешь, не в счет. Своими силами справились, охрана имеется.

— Наркотики? — продолжила расспросы я.

Эльза скривилась:

— Ты же знаешь — я этого терпеть не могу. С месяц назад одна девица притащила сюда какую-то гадость. Так я ее сразу выставила за дверь.

— Суровая ты, — хмыкнула я.

— У меня не забалуешь, — подтвердила хозяйка.

— Незаконное использование магии? — я перешла к наиболее интересующему меня вопросу. — Что-нибудь подозрительное или просто странное?

— Странное — не знаю, я в силу профессии уже давно ничему не удивляюсь, — усмехнулась Эльза. — Но ничего такого, на что ты намекаешь, не было. Уж поверь мне, я после прошлого раза не пропущу. Сама бы к вам человека послала.

Причин для недоверия у меня не было. А жаль. Допрос с пристрастием на два-три часика основательно оттянул бы время возвращения в участок.

— Может, еще что-нибудь расскажешь? — жалобно спросила я.

— Что например? — не поняла Эльза.

— Все, что угодно, — я подняла на нее заискивающий взгляд. — Сплетни, слухи. Анекдот какой-нибудь свежий. Можно неприличный. Можно два раза.

Эльза прищурилась, понимая, что в моем вопросе что-то нечисто, и намеренная разобраться, что именно. Но тут я полностью перестала обращать на нее внимание, вскочила с места и обежала комнату, вертя головой. Словом, со стороны выглядела, мягко говоря, странно. И, наверное, совсем не похоже на гончую, взявшую след. Хотя последнее было куда ближе к моему внутреннему состоянию. Затем я вернулась к креслу, подхватила сумку и вытащила из нее прозрачную прямоугольную пластину, после чего продолжила кружить по комнате, держа ее в вытянутых руках. Наконец остановилась, направив пластину на потолок. Направление было выбрано верно. Подтверждением тому явилась диаграмма, которая стала постепенно проявляться на аппарате, слева направо, словно ее рисовал невидимым карандашом невидимый художник.

Эту пластину мы называли «зеркалом», и она отображала энергетические колебания, вызываемые применением темной магии. Для получения такого изображения было необходимо, во-первых, находиться поблизости от места применения магии и, во-вторых, направить пластину непосредственно на источник, чтобы она могла «отразить» колебания.

Использование темной магии я почувствовала. Любой темный (как и некоторые светлые) может развить такое чутье, хотя над этим надо много и методично работать. Стражам темного отдела такие навыки, разумеется, необходимы. На открытом пространстве или в многолюдном помещении эта способность мало чего стоит. Энергетических колебаний настолько много (как магических, так и эмоциональных, атмосферных и прочих), что различить на их фоне нужное практически невозможно — если, конечно, не знаешь заранее,

что и где искать. А вот сейчас, в полупустом доме мое чутье сработало моментально.

Я сосредоточила внимание на пластине. Кривая пересекла ее и достигла изображения правого полушария мозга, указывая на определенный участок. Именно на этот участок воздействовал тот, кто использовал в данный момент магию. Навскидку я не могла определить, за что именно он отвечает, но не сомневалась, что наши эксперты быстро справятся с задачей. Да и сама я смогу разобраться, если мне дадут спокойно посидеть с пластиной и парой книг.

— Эльза! — возмутилась я, обличающе направляя на хозяйку борделя руку, в которой сжимала пластину. — Тебе не совестно? Ты говорила — никакой магии, а это в таком случае что? В комнате наверху непосредственно сейчас работает темный маг. — Мои глаза округлились. — Степень воздействия растет! А ну-ка идем туда немедленно!

Но Эльза осталась расслабленно сидеть в кресле.

— Не стоит, — рассмеялась она. — В комнате наверху тебе точно не будут рады. Да сядь, я все тебе объясню.

Я была недовольна, но все-таки села.

— Там наша новая девочка работает, — объяснила Эльза. — Мы ее называем «Невинная Зои». Талант. Пользуется необыкновенной популярностью.

— Невинная? — невольно заинтересовалась я. — Это в каком смысле?

В моем представлении невинность как-то плохо сочеталась с популярностью в борделе.

— В том самом, — с довольной усмешкой заверила хозяйка. — В том самом. Ты, Тиана, спрашивала о незаконном применении магии. А там все законно, я бы даже сказала, прилично. И с согласия клиента.

— Тогда при чем тут магия? — спросила я, успокаиваясь.

— Зои — темная, — по-прежнему улыбаясь, сказала Эльза. — И она умеет воздействовать на ту часть мозга, которая отвечает... сама понимаешь, за что. Так вот, к ней приходит клиент. Она сидит в кресле, одетая — вполне, кстати сказать, скромно. Никаких корсетов с чулочками. Закрытое платье, белый воротничок. Клиент приходит и садится напротив. Или ложится, это уж как он сам предпочтет. И она, без единого движения, начинает воздействовать на его мозг. Эффект — тот же, как если бы он кувыркнулся с женщиной. Растущее возбуждение, гамма чувств — и полноценный результат. Не поверишь, к ней ходят чаще, чем к остальным. Нет, я не думаю, что магия в конечном итоге заменит настоящие женские ласки. Но любопытство — великая вещь, в нашем деле далеко не последняя.

Я смотрела на нее, раскрыв рот. Никогда не слышала о подобном применении темной магии. Впрочем, новые способности открываются постоянно, и всегда находятся самородки, которые изобретают оригинальные способы их применения.

— Хочешь пойти и посмотреть? — хитро ухмыльнулась Эльза. — Вообще-то у нас подглядывание не в ходу, но тут уж очень оригинальное зрелище.

— Нет, спасибо, — я с отвращением поморщилась. — По-моему, на работу любой другой из ваших девочек я посмотрела бы с большим удовольствием. А тут... Есть в этом что-то противоестественное.

— Но не противозаконное, — торжественно отметила Эльза.

С противоестественным спорить она, кстати сказать, не стала.

Я, со своей стороны, вынуждена была признать, что противозаконного ничего нет. Темная магия, как и светлая, сама по себе не запрещена. А тут все по взаимному согласию и

никакого вреда подвергающемуся воздействию.

Скривившись, будто меня напоили кислым-прекислым соком, я махнула рукой и плюхнулась обратно в кресло.

— Что-то не так? — пронизательно заметила Эльза. — У тебя какие-то проблемы?

Я вздохнула, не видя причин хранить молчание.

— Да так, начальник новый. — я закатила глаза. — В общем, отношения с самого начала не заладились. Боюсь, что выкинут меня со службы. И будет вам счастье: пришлют-таки вместо меня мужчину. Будете на него вон магией воздействовать.

Я снова вздохнула.

— Брось! — подбодрила Эльза. — Ты отличный работник, а если с отношениями что-то не так, это всегда исправить можно. Начальник ведь, как я понимаю, мужчина?

Я кивнула.

— Так в чем тогда сложность? — фыркнула хозяйка. — Соблазни его один раз или два — и все: отношения в порядке, работой не заваливают, на уступки идут. Решись все проблемы.

— Ты за кого меня принимаешь? — рассердилась я.

Когда на такой поступок намекал Дик, я не отреагировала, но когда одно и то же начинают повторять раз за разом, это раздражает.

Эльза равнодушно понаблюдала за моим возмущением, потом повела плечиком и печально постановила:

— Глупая ты баба, Тиана!

— Знаешь, на что-на что, а на интеллект не жалуясь, — огрызнулась я.

— А я и не спорю, — удивила меня Эльза. — Ты очень умный страж. А баба глупая.

Я закатила глаза, но все-таки решила не обижаться. Нашла тоже место, чтобы отстаивать свой моральный облик. К тому же, возможно, Эльза в чем-то права. Отношения с мужчинами у меня не клеились. Я пыталась их строить лишь трижды — один раз в поселке, из которого была родом, дважды — в Тель-Рее, и все три случая закончились ничем. Так что вполне вероятно, что баба из меня действительно глупая. Зато страж хороший.

— Ладно, не переживай, — подбодрила Эльза. — Никто тебя не уволит. А если вдруг уволят, приходи ко мне. Я возьму тебя на работу.

— Меня? — Я даже не знала, что делать в первую очередь — удивляться или смеяться. — А чем я заслужила такое предложение, не подскажешь?

— Я же вижу: ты старательная и работаешь на совесть, — откликнулась Эльза. — А это в любой работе ценно. И потом — как не пойти навстречу по старой дружбе?

Я лишь покачала головой, даже не пытаюсь гадать, всерьез она говорит или шутит. А вообще вот ведь несправедливость: собственное начальство мою старательность не ценит — да что там, даже о ней не догадывается! — а вот мадам из дома свиданий — пожалуйста, готова взять на работу хоть прямо сейчас!

— Вот только, Тиана, — голос Эльзы стал жестким, — чтобы я больше не слышала, как ты ведешь с моими девочками душевительные беседы о новой профессии, о том, что женщина может сама пробить себе дорогу в жизни, и все такое прочее.

— А я со всеми их и не веду, — откликнулась я, не испытывая ни капли стыда. — А с Корнелией разговорилась потому, что она цветы любит и отлично умеет их выращивать. С ее талантом святое дело собственную оранжерею завести.

— Тиана! — угрожающе нахмурилась Эльза.

— Нет, если ты настаиваешь, я могу всех твоих девочек пригласить в участок на, как ты это называешь, душевспасительную беседу, — елеинным голосом предложила я.

Эльза поджала губы, а потом вдруг расхохоталась.

— То-то начальник твой порадует! — объяснила она причину своего веселья.

Теперь мы уже смеялись дуэтом.

Эльза вышла меня проводить. Совсем опустевшим дом не был, хотя здесь и находилось куда меньше народу, чем в вечерние часы. Внезапно один клиент, сильно нетрезвый (то ли не просыхал всю ночь, то ли принял на грудь прямо с утра) радостно посмотрел на меня и, вытянув руку, объявил:

— Хочу вот эту! Да-да, ее! — повторил он, обращаясь к Эльзе. — Эту, в костюме стражницы!

И, не считая нужным дожидаться чьего-либо ответа, обхватил меня своими ручищами и прижал к стене.

Тут следует кое-что уточнить. Мне очень далеко до великого воина. Мои физические силы ограничены, светлой магией я не обладаю, да и вообще я хоть и страж, но работаю в следственном отделе, а не в группе захвата или отряде охраны. Моя функция заключается совершенно в другом. Тем не менее кое-какие средства самозащиты мне доступны, и этих средств более чем достаточно, чтобы справиться с недоразумениями вроде нынешнего. Я даже самозарядный арбалет (очень удобное наполовину механическое, наполовину магическое оружие) не собиралась вытаскивать. Хватило бы пары хорошо заученных приемов, чтобы мужчина раз и навсегда научился грамотно выбирать себе девиц. Я уже нацелилась на одну весьма болезненную точку, но, высунувшись из-за плеча верзилы, поймала умоляющий взгляд Эльзы. Та даже руки в молитвенном жесте сложила: дескать, не калечь мне клиента!

Я решила пойти навстречу. Как-никак я здесь в гостях, приняли меня в целом хорошо, сотрудничать не отказывались, даже работу предложили. Так что я ограничилась парой движений, заставивших мужчину согнуться пополам. Обойдя его, вежливо попрощалась с Эльзой и покинула гостеприимный дом.

Путь в участок лежал через рыночную площадь. Стуча каблуками ботфорт по булыжникам мостовой, я шла и с удовольствием вслушивалась в извечно царящий здесь гомон. Я любила это место. Не потому, что здесь можно было делать покупки. Лишних денег у меня не водилось: жалованье у сержантов скромное, и после оплаты съемного жилья оставалось совсем немного. Просто рынок являлся одним из тех трех-четырех мест, которые олицетворяли для меня город. Не столько собственно Тель-Рей, сколько город вообще. А я любила городскую жизнь и ни за что не согласилась бы променять ее на однообразные будни поселка, из которого была родом.

Я нырнула в узкую улочку, разогнав широкими шагами голубей — еще один верный признак оживленного города. Впрочем, голуби, громко хлопая крыльями, слетелись обратно, стоило мне сделать еще несколько шагов. Район, прилегавший к площади с северной стороны, был бедным и непрезентабельным. Не трущобы, но и глаз не радует. Улочки местами такие узкие, что двоим не разойтись. Грязно, душно. Между окнами тянутся бельевые веревки, увешанные сохнущей одеждой. Вообще-то белье положено сушить лишь под окнами, выходящими во внутренний двор, дабы не портить вид улиц. Но в таких районах, как этот, на подобные нарушения, как правило, закрывали глаза.

Подняв голову, я обнаружила на стене неприличное слово, любовно выведенное яркой зеленой краской. Судя по тому, каким крупным оно было и как высоко расположилось, дело не обошлось без магии. Пожав плечами, продолжила шагать дальше. Пускай светлый отдел во главе с Белобрысым разбирается.

Выбравшись на улицу пошире, заметила нескольких местных жителей. Люди никуда не спешили и, кажется, просто вышли подышать свежим воздухом да поговорить. Максимум — сходить в ближайшую лавку. Поздоровалась с Тэмом, здешним сапожником, миновала пару домов, а возле стены третьего увидела человека, сидящего прямо на земле.

Такое здесь принято не было. Район пусть и небогатый, но скамейки имеются, да и, в крайнем случае, на ступеньку можно присесть. А этот словно не замечал, насколько неудобно устроился. Наоборот, сидел, прикрыв глаза, с блаженной улыбкой на лице и ритмично покачивался из стороны в сторону. Зрелище мне откровенно не понравилось, и я подошла поближе. Это было куда более серьезно, чем незаконно разукрашенные стены, так что проходить мимо не было ни малейшего желания.

— Эй! — окликнула я сидящего мужчину.

Никакой реакции. Он не только не ответил, но и вообще никак не отреагировал на мое приближение. Не открыл глаз — даже ресницы не дрогнули — и продолжил покачиваться будто в такт ему одному слышной музыке.

— Уважаемый, вы не замерзнете? — громче спросила я, склонившись над незнакомцем.

И вновь меня будто не замечали.

— Без толку, — сообщил подошедший тем временем Тэм. — Когда он вот так вот усядется, ни на что не реагирует часа по три.

Разогнув спину, я обнаружила, что и остальные местные подошли поближе, с любопытством следя за развитием событий.

— И часто он так «усаживается»? — осведомилась я.

— Да в последнее время частенько, — ответил Тэм. — Вчера так сидел и третьего дня тоже...

— Третьего дня он к матери ездил, — возразила какая-то бабка в сером переднике. — Четыре дня назад — вот тогда сидел.

Тэм почесал затылок, сдвинув набок шапку.

— Может, и четыре, — согласился он.

— Ну понятно, — проворчала я.

Присела перед обсуждаемым парнем на корточки, бесцеремонно взяла за руку и первым делом задрала рукав, намеренная взглянуть на вены. Его поведение было вполне характерным для человека, принимающего ронаин — наркотик, который обычно вводили в организм через кровь.

Ничего не обнаружив на правой руке, я проверила левую. Однако и там не было ни синяков, ни других признаков уколов. Непонимающе нахмурившись, я приподняла парню голову — он так и не открыл глаз, даже раскачиваться по мере возможности продолжал — и посмотрела в лицо. Приподняла веко, затем второе. Странно. Никаких признаков воздействия ронаина. Глазные белки не желтоватые, веки не покраснели, зрачки не крохотные, а совершенно нормального размера. Симптомов нет, а вот поведение совершенно классическое. Я попыталась растормошить сидящего, но не преуспела.

Встала и повернулась к ожидающим продолжения соседям.

— Давно это началось?

— У Мэла вроде как недавно, — не вполне уверенно протянул Тэм.

— Недавно, да, — подтвердила бабка, но меня уже интересовало другое.

— Стоп! Что значит «у Мэла недавно»? — быстро спросила я. — Подобное что — и с другими происходит?

— Да есть еще пара-тройка человек, — заметил присоединившийся к нам старичок. — Вот, например, Мартин, молочницы нашей старший сын. Я его пять минут назад видел: вышел из дома Кверта, к стене прислонился, а на лице улыбка до ушей. Потом сполз по стене да так и остался на земле сидеть. Срамота!

— Кверта, Кверта... — задумалась я. — Это Остин Кворт, который привратником в гостинице «Лунный луч» работает?

— Тот самый, — подтвердил старичок.

— А ну-ка пошли к нему, — решительно распорядилась я.

И первой зашагала в нужную сторону. Точного адреса я не знала, но направление себе представляла, а дальше присоединившиеся горожане не дали бы заблудиться. Пропустить представление никто не желал.

Пожалуй, в помощи спутников с указанием нужного дома потребности и не возникло бы. Место легко было определить по сидевшему у стены человеку. Молодому парню было, наверное, не более восемнадцати. Сидел он так же, как и предыдущий, закрыв глаза, блаженно улыбаясь и раскачиваясь из стороны в сторону. Только у этого еще и пальцы рук подрагивали.

Поморщившись: никакого удовольствия такое зрелище не доставляло, я вновь присела на корточки и осмотрела Мартина на предмет симптомов приема ронаина.

Ситуация идентична той, что я наблюдала несколько минут назад. Поведение наркомана при полном отсутствии соответствующих физиологических симптомов.

Поджав губы, я запрокинула голову, и тут мои брови поползли вверх. Ибо я почувствовала энергетические колебания, сопутствующие применению темной магии. И исходили они из дома, у стены которого я стояла.

Спешно извлекла из сумки «зеркало», с которого уже успела стереть полученную в борделе диаграмму. Направила на закрытое окно первого этажа. Слева направо сразу же побежала новая кривая. Уткнулась в проявившееся с правой стороны изображение человеческого мозга. Я удовлетворенно кивнула — злое такое было удовлетворение, — поскольку на сей раз хорошо знала, что означает отмеченный на диаграмме участок. Да и все остальное было теперь понятно.

Об одной такой истории мне уже доводилось слышать, хотя широкой огласки она не получила, а преступнику удалось избежать наказания. Некий темный маг умел оказывать на мозг то же воздействие, что и ронаин. То есть благодаря его работе человек находился «под кайфом» без того, чтобы принимать какие-либо наркотики. Вместо того чтобы применить свой дар, к примеру, в работе анестезиолога, тот темный предпочел подсаживать людей на «безвредное» воздействие — естественно, за материальное вознаграждение. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: сейчас мы имеем дело с тем же самым явлением.

Удостоверившись, что изображение на «зеркале» будет сохранено и, следовательно, сможет впоследствии послужить уликой, я прикинула, насколько опасно провести задержание в одиночку. По всему выходило, что не слишком. Кворт, вероятнее всего, работает один. Сам он ни физической силой, ни особой ловкостью не отличается. Да и свидетелей уже собралось порядочно. На всякий случай я все-таки приготовила самозарядный арбалет

— руки пока предпочитала не занимать, но удостоверилась в том, что в случае необходимости извлечь его и выстрелить будет секундным делом.

Собиралась войти в дом, но тут мне повезло. Дверь отворилась. Первым появился, пошатываясь, очередной счастливо улыбающийся мужчина. А вот следом, чуть-чуть поддержав клиента на ступеньках, на порог вышел и сам хозяин дома. На вид — невысокий безобидный дядечка лет сорока, обремененный десятком лишних килограммов.

Когда производишь задержание в одиночку, главный козырь — внезапность. Поэтому Кворт не успел сообразить, что происходит, а на его запястьях уже защелкнулись наручники.

— Господин Остин Кворт, вы арестованы по обвинению в злоупотреблении магией темных, — давно заученные слова отскакивали от зубов. — Вы имеете право хранить молчание. Арест произведен сержантом Рейс, второй округ тель-рейской стражи, в присутствии свидетелей.

Свидетели громко зашушукались. Причем перешептывания доносились теперь с разных сторон, в том числе и сверху: обитатели близлежащих домов высунулись из окон.

— О каком злоупотреблении вы говорите? — попытался изобразить недоумение Кворт.

— Воздействие на мозг жертвы с целью вызова состояния, аналогичного наркотическому опьянению, — лишенным эмоций голосом отчеканила я.

— А почему вы решили, что я причастен к чему-либо подобному?

Я продемонстрировала ему «зеркало».

— Полагаю, вам известно, что любой эксперт без труда определит, вами ли было произведено зафиксированное здесь воздействие. Если окажется, что оно произведено не вами, мы тотчас же отпустим вас и непременно принесем свои извинения, — пообещала я.

— Ну хорошо. — Кворт понял, что откреститься не удастся, и подошел к делу с совершенно другой стороны: — Допустим, я действительно применил магию темных. И что в этом преступного?

— То же самое, что и в распространении наркотических средств, — отрезала я.

Число зрителей быстро возрастало.

— Вовсе нет, — протянул Кворт довольным тоном спорщика, уверенного, что вот-вот разгромит оппонента в пух и прах. — Я не распространяю наркотики. Мое воздействие не наносит вреда здоровью. Можно сказать, я предоставляю своим клиентам плюсы наркотического опьянения, полностью освобождая их от минусов. Можно считать, что я спасаю их тем самым от использования настоящих наркотических средств вроде ронаина. При этом они приходят ко мне по доброй воле. Как с медицинской, так и с юридической точки зрения мое воздействие совершенно легитимно.

А он хорошо подготовился. Впрочем, мы с такими, хорошо подготовленными, в участке имеем дело чуть ли не ежедневно.

— Чрезвычайно спорный вопрос, — возразила я. — Вы забыли о привыкании и социальной составляющей.

— Привыкания мое воздействие не вызывает, — подозрительно быстро произнес Кворт.

Я ухмыльнулась.

— Неужели? С физиологической точки зрения — возможно. А как насчет психологической? Мне отлично известно, как работает такое воздействие, Кворт. — Мой голос стал холодным и жестким: — Человек очень быстро впадает в зависимость от того состояния, в которое вы вводите его при помощи магии. Реальный мир начинает казаться ему пресным и лишенным красок. Снова и снова возвращаясь к вам, он становится все более

равнодушен к реальности. Забрасывает работу, учебу, семью. Ест что попало, спит где придется и думает только о том, как бы поскорее снова погрузиться в вызываемое вами состояние. Такое воздействие противозаконно, Кварт. И вы понесете заслуженное наказание.

— Физиологической зависимости нет, — продолжил гнуть свою линию тот. — А то, о чем вы говорите... Эдакими темпами вы объявите, что искусные повара — наркоторговцы, ибо их стараниями посетители рестораций привыкают к вкусной пище. И не могут потом спокойно есть более простую еду. Человек вообще привыкает к хорошему, но это не означает, что все хорошее противозаконно.

Я недовольно оглянулась. Кажется, вокруг нас собралось уже полрайона. Группа мальчишек пятнадцати-шестнадцати лет, возвращавшихся откуда-то с мячом, остановилась неподалеку от нас. Дискуссия, более подходящая для зала суда, проводилась при чрезмерном количестве посторонних ушей.

— Из-за хорошей еды человек не теряет все, что имел, — отрезала я. — Не отказывается от реальной жизни, не впадает в нищету, не становится изгоем общества. И довольно об этом. Мы отправляемся в участок. Там вы можете повторить все то, что так охотно высказали мне.

— Нет, так не пойдет! — воскликнул Кварт. — Я был обвинен перед людьми и имею право перед ними же ответить! Нищета, говорите вы? Мое воздействие приводит к нищете? Нет, госпожа сержант! Оглянитесь вокруг! Эти люди уже живут в нищете. В нищете, из которой нет выхода! И именно я даю им хоть какую-то возможность разорвать порочный круг, испытать положительные эмоции, почувствовать вкус жизни, несмотря на их плачевное положение!

Зрители (или, вернее сказать, слушатели) перешептывались, и среди общего гула голосов я улавливала как критику в адрес задержанного, так и одобрение.

— Ерунда! — рявкнула я, отлично осознавая, что хоть и обращаюсь к Кварту, говорю сейчас не для него, а для остальных присутствующих. — Королевство предоставляет людям возможность и достойно зарабатывать себе на жизнь, и выбиться в люди, начав с нуля. Только для этого, конечно, надо тяжело работать, а не лежать под забором. И я отлично знаю, что говорю! Я сама приехала сюда практически из деревни, не имея за душой ничего, кроме нескольких грошей и пары прихваченных с собой булок. В Тель-Рее у меня не было ни родственников, ни даже знакомых. И ничего, как видите, справилась. Главное — захотеть и не ждать всего и сразу.

— Ну конечно, — Кварт даже не смотрел на меня, обращаясь исключительно к своим соседям, — каких еще слов можно ожидать от стражей? И только мы с вами, простые люди, знаем, насколько в действительности тяжело пробиться человеку, родившемуся здесь! — И он указал рукой на окружающие дома. — Но правда восторжествует. Я невиновен и сумею это доказать. Остин Кварт чист перед законом! Я скоро вернусь, и если вам тяжело и тоскливо, если в жизни не остается надежды, если вы сталкиваетесь со стеной непонимания, я всегда рад помочь. — Говоря о стене непонимания, он перевел взгляд на подростков да так и продолжил говорить, глядя в их сторону. — Готов принять любого, каждый день, с четырех до девяти часов вечера.

Это было уже чересчур. Чаша моего терпения переполнилась. Этот ублюдок пытался использовать наш разговор в рекламных целях, да еще и перед кем рекламировал свою деятельность? Перед детьми!

Моя рука сама скользнула в кожаную кобуру, и секунду спустя самозарядный арбалет

был направлен Кверту в глаз. Щелкнул предохранитель.

— Молчать! — рявкнула я. — Еще одно слово — и я стреляю.

Кворт поперхнулся и, заметно побледнев, замолчал.

— Идем! — велела я, все еще учащенно дыша от злости. — В участок! Излагать свою позицию будешь там.

— Как вы могли поступить подобным образом? — рвал и метал капитан Уилфорт. — Вы понимаете, что нарушили закон? Вы, страж, нарушили закон! Вы не имели права угрожать арестованному оружием! Не имели права направлять на него снятый с предохранителя арбалет!

— При определенных обстоятельствах мы имеем право на подобные меры.

Я отлично понимала, что оправдания не помогут: не захочет Уилфорт прислушаться к моим аргументам, да и нарушение действительно имело место. Но не отмалчиваться же. Тем более что я не считала себя виноватой. С моей точки зрения, капитан концентрировался на букве закона, забывая при этом о его подлинной сути — защите добропорядочных подданных. Я же, со своей стороны, действовала именно с такой целью, хотя, возможно, и нарушила некое предписание.

— Но не при таких обстоятельствах! — рявкнул Уилфорт. — Только в случае угрозы для жизни!

— Именно такой случай и имел место, — заявила я.

— Не смешите меня, — утомленно отмахнулся капитан. — К тому моменту вы надели на него наручники. Или, может быть, он пытался вас загрызть?

— Он рекламировал свою деятельность перед детьми, — в очередной раз повторила я, пропустив шпильку. — Это вполне можно интерпретировать как угрозу их жизням. В долгосрочной перспективе.

— Интерпретировать? — сердито фыркнул Уилфорт. — Может быть, вам стоит служить не в страже, а в суде? Подобные игры с формулировками любят именно там. А здесь работа несколько иная.

— Я отлично знаю, какая здесь работа! — начала закипать я. — И в первую очередь моя работа заключается в том, чтобы уберечь горожан, особенно детей, от преступников вроде Кверта! Я занималась своим прямым делом!

— Из рук вон плохо занимались, — отрезало начальство. — Вы нарушили закон и дали арестованному возможность предъявлять нам претензии вместо того, чтобы отвечать на обвинения с нашей стороны.

Меня вдруг осенила страшная догадка. Подозреваю, что я даже изменилась в лице.

— Вы что, его отпустили?! — воскликнула я, начисто забыв, что передо мной — новое и малознакомое начальство, которое запросто может в любую секунду выбросить меня на улицу. Не то чтобы даже я об этом забыла, скорее, мне просто было в тот момент наплевать. — Я его обнаружила, поймала на горячем, арестовала, чтобы он не имел возможности гробить человеческие жизни, а вы просто взяли — и отпустили?!

Конечно, я с самого начала понимала, что, возможно, доказать вину Кверта не удастся. В том, чем он занимается, сомнений ни у кого не возникнет, но вот о законности этого занятия, увы, действительно можно было спорить. Однако я рассчитывала, что дело по меньшей мере дойдет до суда — а там уже, конечно, как повезет. Многое зависело от адекватности судьи. Но чтобы арестованного выпустили из-под стражи уже сейчас, только из-за того, что он предъявил свои собственные обвинения, — смириться с этим было выше моих сил.

— Сержант Рейс! — рывкнул Уилфорт, как следует разозлившись. Последнее явственно следовало не столько даже из его тона, сколько из выражения лица. — Во-первых, я не отпускал арестованного и не собираюсь этого делать. В моем представлении Остин Кворт виновен в не меньшей степени, чем любой торговец риноином, и я позабочусь о том, чтобы наказание он получил соответствующее. Во-вторых, как вы позволяете себе разговаривать со старшим по званию, тем более вашим непосредственным начальством?

Он стоял, опираясь обеими руками о высокий стол, чуть наклонившись вперед, в мою сторону, и сверлил меня гневным взглядом.

— Приступив к работе в этом отделе, я с самого начала был неприятно удивлен распушенностью сотрудников и отсутствием дисциплины! — продолжал Уилфорт. — Вы осознаете, сержант, что, несмотря на специфику поставленных перед вами задач, городская стража принадлежит к воинским частям королевства?

А, следовательно, и требования к дисциплине здесь те же самые, равно как и спектр наказаний? Не будь вы женщиной, для первого раза уже получили бы двадцать отжиманий.

Ну что ж, господин капитан, вы сами напросились. Терпеть не могу, когда меня выделяют из команды стражей по половому признаку. Опять же и в плане физической формы причин жаловаться у меня нет. Я занимаюсь каждый день. К тому же попробуйте иметь слабые руки после того, как на протяжении нескольких лет изо дня в день тягали ведра с водой от колодца до дома.

С огромным трудом сдержав ухмылку при взгляде на капитана, я нарочито медленно стянула с себя камзол.

— Сержант Рейс?

На сей раз голос Уилфорта прозвучал удивленно.

Я не отреагировала. Повесила камзол на спинку стула и расстегнула верхнюю пуговицу белой рубашки.

— Сержант, что вы делаете?

Думаю, капитан решил, что я собралась задобрить его тем самым способом, который так горячо рекомендовала Эльза. Я предоставила ему еще пару секунд пребывать в этом заблуждении, а затем, расстегнув всего две пуговицы, по-солдатски рывкнула:

— Разрешите приступить?

От неожиданности Уилфорт поморщился и даже приложил руку к уху, так громко прозвучали мои слова.

— К чему приступить? — растерянно и одновременно сердито спросил он.

Отвечать я не стала. Просто отошла на шаг, туда, где получала достаточно места для маневра, упала на пол и принялась отжиматься, вслух считая: «Один. Два.

Три...»

— Что за.

Дальнейших слов Уилфорт, видимо, не нашел. А я продолжала, нисколько не напрягаясь и жалея лишь о том, что отжиманий всего двадцать и потому в скором времени они закончатся. Некоторую пикантность ситуации придавал тот факт, что сегодня на мне были не брюки, а юбка.

— Что здесь происходит?!

Этот грозный голос капитану не принадлежал. Не знаю, с какой именно целью зашел в кабинет Уилфорта полковник Михаэль Ленн, но появился он в чрезвычайно удачный момент.

— Прохожу наказание согласно приказу господина капитана! — отрапортовала я,

застыв, приподнявшись на руках.

После чего продолжила отжиматься.

— Тринадцать. Четырнадцать.

— Отставить! — приказал Дедушка.

Я послушно вскочила на ноги. Ленн повернулся к Уил форту.

— Как это понимать, капитан?

— Господин полковник, я не...

Уилфорт выглядел растерянно.

— Мы не в армии, — перебил его Ленн. — Кроме того, у нас не принято, чтобы подчиненные отбывали наказание в кабинете у начальника, да еще и один на один. Впредь потрудитесь наказывать провинившихся другим способом. Это понятно?

— Так точно! — подтвердил Уилфорт. — Но, господин полковник.

— Отставить! — Ленн развернулся к двери и по пути бросил мне: — Рейс, за мной!

— Так точно!

Я подхватила со спинки стула камзол и поспешила вслед за полковником, застегивая на ходу пуговицы рубашки.

— Что ты вытворяешь, Рейс? — строго спросил Ленн, едва плотно закрытая дверь отделила нас от капитана. — Нарываешься? Хочешь рассориться с новым начальством?

— Он первый начал, — сказала я и смолкла под осуждающим взглядом полковника.

— «Первый начал»? — переспросил тот. — Рейс, ты сержант или ребенок из благотворительной школы? Он — новый начальник вашего отдела, и тебе придется с этим смириться. Имей в виду: если он вознамерится тебя уволить, даже я при всем желании ничего не смогу поделать. И придется тебе уйти. И что тогда?

Я собиралась сообщить, что меня уже давно тайком переманивает начальник светлого отдела, но тут смысл сказанного Дедушкой дошел до меня окончательно.

— Но вы же полковник, а он — капитан? — выразила свое недоумение я.

Причиной моего недоумения был не отказ Ленна посодействовать мне в случае неприятностей. Понятное дело, если младший чин вроде меня вступает в конфликт с непосредственным начальством, он делает это на свой страх и риск, а не в расчете на поддержку главы участка. Из колеи меня выбил сам факт: полковник утверждает, что даже при желании не способен противостоять капитану. Как это понимать?

Ленн грустно усмехнулся, полностью отбрасывая начальственный тон.

— Рейс, а тебе самой неочевидно, что он — птица совершенно иного полета? — спросил он, понизив голос, а я сразу припомнила рассуждения Райана. — Да он служит в звании капитана только потому, что сам для себя это звание выбрал. Мог запросто ткнуть в любой чин и любую должность — и получил бы и то и другое. Сказал бы: «Хочу быть полковником» — и все, меня бы быстро отправили на заслуженный отдых.

Я часто заморгала, пытаюсь осознать такое положение дел.

— Почему же тогда он выбрал капитана? — удивилась я вслух.

— А понятия не имею! — развел руками полковник.

По резкости его жестов я поняла: Ленн и удивлен, и раздосадован почище меня.

— Господин полковник, — впечатлившись его реакцией, я понизила голос почти до шепота, — а к нам в отдел он тоже попал по собственному выбору?

— Конечно, — не намного громче отозвался Дедушка. — А ты полагаешь, я бы назначил к вам начальником светловолосого?

Час от часу не легче. Да что такого могло ему понадобиться в обычном темном отделе обычного тель-рейского участка?

— Осознала? — Моя реакция не укрылась от внимания полковника. — Вот пойдешь теперь и подумай, какую линию поведения с новым начальством избрать в дальнейшем. Свободна.

— Господин полковник! — я не спешила уходить. — Разрешите обратиться с последним вопросом?

— Разрешаю, — устало откликнулся Ленн. — Что там еще?

— Господин полковник, скажите, а... он к нам надолго? — шепотом осведомилась я.

Глаза Дедушки погрузнели.

— Если бы я знал! — не скрывая раздражения сим фактом, ответил он. — Все, Рейс, свободна. Иди.

И я пошла в наш с ребятами кабинет. Тут было над чем подумать.

Сверяться с бумажкой, чтобы убедиться, что я прибыла по правильному адресу, не требовалось. Особняк был особенным, можно сказать, единственным в своем роде, так что в Тель-Рее его знали все. На фоне прочих богатых домов выделялся даже не столько особняк сам по себе (разноцветный кирпич и декоративные башенки в этом районе не были редкостью), сколько прилегавший к нему сад. Большие сады здесь практически отсутствовали — плата за проживание в пределах городской черты. Говорят, что в свое время предки нынешних хозяев купили территорию, предназначавшуюся сразу для двух особняков, чтобы разбить на ее половине этот самый сад.

Я заметила поджидающего у ограды лакея и, ускорив шаг, направилась к нему.

Это было не наше дело. Его вел отдел по расследованию убийств. Но в отдельных случаях они приглашали представителей темного и светлого отделов в качестве экспертов по магическим преступлениям. Делалось это в тех ситуациях, когда в преступлении было нечто странное, заставляющее, по меньшей мере, заподозрить магическое вмешательство. Если магическая составляющая была очевидна изначально, преступление, как правило, сразу попадало в один из наших отделов.

Темных сегодня представляла я, а вот кого прислали из отдела светлых, выяснилось, едва лакей провел меня в дом.

— О, Чернявая! — расплылся в неприятной улыбке молодой светловолосый мужчина в синей, как и у меня, форме. — Наконец-то ты соизволила сюда добраться! У меня уже ноги затекли сидеть и ждать твоего появления.

— Привет, Белобрысый! — с не более естественной улыбкой отозвалась я. — А ты бы не сидел, пока ждешь, а делом занялся. Поотжимался бы, например. Тебе не помешает, а то вон лишние килограммы на пузе проявляются.

Лишних килограммов у Бертрана Миллорна не было, но мои слова заставили его опустить взгляд на живот, что, конечно, не могло не доставить мне удовольствия.

— В вашем отделе вообще с физической подготовкой проблемы, — развила успех я. — То-то вы на прошлой неделе так плохо бегали, что упустили преступника.

— На твоем месте я бы лучше помолчал, детка, — огрызнулся Белобрысый. — Все знают, что вы, темные, основательно облажались. Ваш новый шеф с первых же шагов устроил вам разгон, и за дело! Это предыдущий на все глаза закрывал. А новый человек — явно с пониманием, недаром он светлый.

— Солнце мое, — я продолжала поддерживать на лице неестественную улыбку, — твои слова можно расценить как разжигание межмастевой розни. Для стража совершенно неприемлемое поведение. Хочешь, чтобы я обратилась с этой информацией к твоему начальству?

— Прошу вас, господа!

Другой лакей спустился до середины лестницы и теперь предложил нам следовать за ним на второй этаж. Мы пошли, не переставая обмениваться репликами.

— Проявляй уважение к старшему по званию, — язвительно напомнил Белобрысый.

— Ах да, господин старший сержант, — елеиным голосом заметила я. — Это ведь хорошо, что вы в таком звании. Есть куда спускаться, когда начальство надумает вас наказать.

Что-то колкое готово было сорваться у Белобрысого с языка, но высказаться он не успел.

Мы вошли в комнату с высоким потолком и низко свисающей с этого самого потолка люстрой, и к нам обратился знакомый обоим капитан Тоггорт из отдела по расследованию убийств:

— Приветствую, господа. Сожалею, но думаю, мы вызвали вас зря. Ситуация прояснилась, и теперь похоже на то, что никакой магии использовано не было.

— Что за преступление? — поинтересовалась я, ныряя в мягкое кресло.

Именно ныряя, настолько оно было глубоким. Вряд ли хозяева станут возражать, да и, в любом случае, они здесь не присутствуют. Не встречать же им лично каждого представителя городской стражи.

— Убийство, Рейс, — язвительно просветил меня Белобрысый. — Могла бы и сама догадаться.

— Вот спасибо, Миллорн! — кисло отозвалась я. — Без твоей помощи никогда бы не пришла к столь глубокомысленному выводу.

— На самом деле похоже на то, что никакого убийства не было, — сообщил Тоггорт, привыкший к нашим перепалкам и потому оставшийся равнодушным к данному обмену любезностями. — Видимо, женщина покончила с собой.

— Хозяйка особняка? — деловито уточнил Белобрысый, видимо, знавший о деле несколько больше моего.

— Да, Мелина Веллореск, дочь недавно почившего Веллореска-старшего, — подтвердил Тоггорт. — От него она унаследовала дом и большую часть состояния, но даже в права владения вступить не успела. Со смерти отца еще не прошло тридцати дней, а сегодня и ее не стало.

— Что с ней случилось? — спросила я.

— Попала под карету на Иллойской дороге, — мрачно объяснил Тоггорт. — Насмерть.

Мы с Белобрысым одинаково округлили глаза. Иллойская дорога — это практически тракт, проходящий через город. Почти не петляя, он тянется с северного приграничья до самой столицы нашего королевства, Иллои. Этот тракт чрезвычайно удобен, позволяет достичь столицы в кратчайшие сроки, и, строя Тель-Рей (точнее, превращая в город разбросанные в этих краях поселки), дорогу решили оставить нетронутой. В итоге кареты и всадники — особенно королевские гонцы — проносились через город быстрее ветра, что, ясное дело, было удобно для них, но опасно для пеших горожан. Однако же все об этой особенности тракта знали и, если его нужно было пересечь, делали это осторожно. Сложно ли, в конце концов, дожидаться, пока карета проедет мимо? Слышно ее становится заблаговременно, да и видно тоже издали. Я и сама переходила Иллойскую дорогу по пути сюда — и ничего.

— Толкнули? — высказала предположение я.

— В том-то и дело, что нет, — ответил Тоггорт. — У нас много свидетелей. Карет было несколько, и с десятков человек ждали, пока дорога освободится, — кто с одной стороны, кто с другой. Так вот, все в один голос подтвердили: никто госпожу Веллореск не толкал, даже не прикасался. Она сама стояла-стояла, а потом вдруг взяла — да и бросилась прямо под копыта. Последнюю карету оставалось пропустить. А та была запряжена шестеркой. Ну и сами понимаете... — он махнул рукой.

— Стояла — и вот так вот вдруг бросилась? — недоверчиво переспросил Белобрысый.

— Угу, — кивнул Тоггорт. — Именно поэтому мы и сочли нужным вызвать вас. Слишком странный случай. Но порасспрашивали свидетелей, родственников, знакомых. В общем,

похоже, девушка очень тяжело перенесла смерть отца. Была замкнута в себе, эмоционально нестабильна. А перед тем, как броситься под карету, даже прошептала: «Отец». Тихо, но один свидетель все-таки услышал — тот, который стоял ближе всех. Так что, видимо, самоубийство. Еще кое-какие проверки, конечно, проведем и несколько человек на всякий случай опросим. Но в целом дело ясное, хотя и неприятное. Никаких дополнительных причин подозревать магическое вмешательство нет. Так что приношу извинения за ложный вызов.

— Да ладно, сочтемся, — подмигнул, вставая, Белобрысый. — Рейс, ты в участок?

— Чуть позже, — задумчиво ответила я.

— Вот и хорошо, — обрадовался блондин. — Я уж боялся, придется тебя провожать.

— Не бойся, — бросила я, не отрываясь от своих мыслей. — Только поосторожнее там.

В темные подворотни не заглядывай. А то нападут — кто тебя защитит? Я же здесь.

— Думаешь, как прогул не засчитают? — хмыкнул Белобрысый, остановившись у двери. — Ну-ну. Я бы на твоём месте поостерегся, с новым-то начальством.

— То-то я смотрю, ты и на своём месте сильно торопишься.

— А у меня, в отличие от тебя, дел невпроворот, — отозвался он. — Четыре расследования ведем. Все, Тоггорт, бывай!

Я задержалась, заново прокручивая в голове все, что успела узнать о деле. Все-таки такое самоубийство казалось странным. И способ, и то, что девушку никто не сопровождал. По свидетельским показаниям выходило, что она весь последний месяц ходила по грани. И что же, любящие родственники не считали нужным ее сопровождать или хотя бы приставить к ней слугу?

— Скажите, капитан, а кто наследует за госпожой Веллореск? — спросила я.

— Я послал человека к их семейному юристу, выяснить, оставила ли она завещание, — ответил он. — Пока ждем. Но вероятнее всего, особых распоряжений не было, а значит, следующий на очереди — старший из ее братьев, Дункан.

— А братьев вообще сколько? — уточнила я.

— Двое. Дункан и Свер Веллорески.

— И какой они масти?

— Оба светлые, Тиана.

Было очевидно: Тоггорт уверен, что дело ясное, а потому в моих вопросах нет нужды. Но в то же время реагирует благодушно, ибо считает, что основательность в работе — качество похвальное.

— И сама погибшая тоже была светлой?

— Да, как и все родственники, — подтвердил он.

Это было неудивительно. Как правило, все члены семьи являлись представителями одной масти. Бывали, правда, случаи, когда у светлых родителей рождался темноволосый ребенок или наоборот, но случалось такое сравнительно редко.

— Не возражаешь, если я немного покручусь по дому, может, с кем-нибудь побеседую? — осведомилась я.

— Пожалуйста, — широким жестом разрешил Тоггорт. — Показания еще записывают, так что свидетели пока здесь, на первом этаже, правое крыло. Захочешь — можешь с ними поговорить.

— Спасибо. Как зовут того, который стоял ближе всех?

— И слышал слово «отец»? — понимающе хмыкнул капитан. — Николас Крофт.

Благодарно кивнув, я вышла из комнаты. Тогторт последовал за мной, собираясь возвратиться к своим коллегам.

Я спустилась на первый этаж и направилась в нужное крыло. Когда проходила мимо очередной лестницы, кто-то негромко покашлял, пытаясь привлечь мое внимание, а затем меня осторожно тронули за рукав. Я обернулась.

Передо мной стояла женщина, невысокая, светловолосая, лет пятидесяти, в одежде служанки.

— Простите, госпожа страж, — робко произнесла она, заглядывая мне в глаза, — это ведь вы приехали к нам из темного магического отдела?

— Отдел по злоупотреблению магией темных, — уточнила я.

— Да-да, конечно, простите неграмотную, вечно что-нибудь напутая, — пробормотала она.

— Все в порядке, — поспешила заверить я, видя, что служанка приняла мое уточнение уж очень серьезно. — Вы что-то хотели мне сказать?

Женщина решительно кивнула.

— Давайте присядем, — предложила я.

Служанка вела себя настолько робко, что я сама повела ее к ближайшему дивану. Мы сели, причем она осторожно опустилась на самый краешек.

— Как вас зовут? — успокаивающим тоном спросила я.

Первое правило опроса свидетелей простого происхождения — дать человеку понять, что не смотришь на него свысока и не собираешься ежеминутно грозить тюремной камерой. Увы, поведение некоторых стражей создает в сознании людей предубеждение, с которым впоследствии бывает непросто бороться. Потому-то мы с ребятами и не брезгуем прямо в служебной форме выпить в дешевом трактире или, присев на ступеньку, поболтать за жизнь с пьяными гончарами с Рябинной улицы. Зато потом свидетели из неблагополучных районов от нас не шарахаются.

Но аристократия — другое дело. Эти сами до нас не снисходят. Да и с другими обитателями таких вот богатых районов, то бишь слугами, нам пересекаться особенно негде. Хорошо, что эта женщина решилась заговорить — многие предпочли бы держать свои мысли при себе.

— Белла, — ответила она, скромно улыбнувшись.

— А я — Тиана, — улыбнулась в ответ я, благоразумно оставив сержанта Рейс для другого случая. — Итак, Белла, что вы хотели мне рассказать?

Женщина так дрожала от волнения, что, находясь мы в участке, я бы первым делом предложила ей воды. Но предлагать подобное в доме, где она работает служанкой, было бы перебором, так что я просто терпеливо ждала ответа.

— Не верьте в самоубийство, — предварительно оглядевшись, умоляюще сказала Белла. — Не могла госпожа покончить с собой. Раз не случайное несчастье, значит, убили.

— Почему вы так думаете?

Вытаскивать блокнот и делать записи я не стала. Во-первых, в этом случае данная конкретная свидетельница точно испугается и замолчит. Во-вторых, давно заметила, что люди вообще больше раскрываются, когда разговор ведется как бы неофициально, без протокола. И в-третьих, на память я не жалею, поэтому и сама предпочитаю сосредоточиться на рассказе и не отвлекаться на записи.

— Я знаю госпожу. То есть знала, — грустно поправилась служанка. — Да и не было у

нее причин для самоубийства.

— Насколько я поняла, после смерти отца она пребывала в крайне подавленном состоянии духа?

Белла впервые позволила себе хоть как-то проявить характер: раздраженно поморщилась и передернула плечами.

— Любой нормальный ребенок переживает, когда боги забирают его родителя, — заметила она. — Сильно переживает. Но многие ли из-за этого лишают себя жизни? А других бед у госпожи не было.

Я задумалась. С одной стороны, слова служанки были интересны. С другой — кто их, самоубийц, разберет. Порой и причины, и выбранное средство бывают столь странными, что, сколько ни бьешься, понять психологию покончившего с собой (или совершившего такую попытку) не удастся.

— Может быть, несчастная любовь? — высказала одно из простейших предположений я.

Служанка слабо усмехнулась.

— С ее-то приданым? Да еще и после того, как она стала сама себе госпожой?

Да, маловероятно. Хотя и не так чтобы невозможно.

— Да и не было у нее никого, — продолжала Белла. — Я бы знала.

— Вы имеете в виду, что она бы вам рассказала? — с долей скептицизма уточнила я.

— Даже если бы не рассказала, уж я была бы в курсе, поверьте, — улыбнулась Белла.

Ну что ж, пожалуй, верю.

— Хорошо, а что в таком случае, вы думаете, произошло? — приступила к следующему этапу расспросов я. — И еще: почему вы все время оглядываетесь? Вас кто-то запугал? Запретил разговаривать со стражами?

— Нет, — покачала головой Белла. — Просто боюсь, скажут, что лезу не в свое дело. Оно, может, и правильно, но не могу промолчать после того, что случилось. Понимаете, если люди правду говорят и госпожа действительно сама под карету бросилась, значит, точно темный маг постарался.

— Пока в пользу этой версии нет никаких весомых аргументов, — призналась я.

— Откуда бы им взяться? — со вздохом отозвалась служанка. — Еще бабушка моя говорила: темная магия — она как вода. То прозрачная, то мутная и такие глубинные тайны хранит, до которых ни одному человеку не добраться.

Я одобрительно хмыкнула. Неплохое сравнение, не столько даже для темной магии самой по себе, сколько для предмета ее воздействия. Вода и мозг. Водные глубины и глубины сознания.

— Ну хорошо, а как вы считаете, кто мог быть заинтересован в смерти госпожи Веллореск?

Служанка заметно напряглась и, с трудом разомкнув сжатые губы, почти неслышно проговорила:

— Не знаю...

— Давайте так: каково финансовое положение ее младших братьев?

— Сказать по правде, трудно судить, — призналась Белла. — Вообще-то оба они при отце не бедствовали и при госпоже тоже бедствовать бы не стали. Отказывать от дома она никому не собиралась, да и кое-какое наследство каждый из них от отца тоже получил. Беда в том, что деньги у обоих уходят, и порой очень быстро.

На сей раз Белла сжала губы не напряженно, а скорее неодобрительно.

— Можете сказать, куда конкретно? — заинтересовалась я.

— Дункан их во всякие проекты вкладывает, сомнительного характера, — в очередной раз оглядевшись, начала рассказывать служанка. — Исследования какие-то поддерживает. Бывает так, что большая сумма вся пропадает. Бывает, что, наоборот, по прошествии времени возвращается с прибылью — это если изобретение какое полезное получилось. Но в целом для семейного бюджета пользы мало, и покойный господин Веллореск часто недовольство выражал.

— А младший сын что? — поинтересовалась я, мысленно сделав отметку: надо бы выяснить, изобретения какого рода так сильно интересуют Дункана, что тот готов ради них жертвовать своими материальными интересами.

— А с младшим все просто: игрок он, — совсем уж неодобрительно ответила Белла. — Когда проиграет, когда выиграет. И скрытничает при этом.

— То есть как у него обстоят дела непосредственно сейчас, вы с уверенностью сказать не можете?

— Не могу, — виновато подтвердила служанка.

— Стало быть, не исключено, что он сильно проигрался? Даже настолько, что влез в долги?

— Не исключено.

Белла вновь ответила моими собственными словами.

— Хорошо, — я задумчиво покивала. — Спасибо, Белла. Обещаю, что досконально проверю версию злоупотребления темной магией. Если появятся дополнительные вопросы, я вас разыщу.

— Благодарю вас, госпожа! — с чувством огромного облегчения выдохнула Белла.

Женщина явно не рассчитывала, что к ее словам отнесутся с должной степенью серьезности.

— Пока не за что, — ответила я. — Вы не знаете, где здесь проводят допрос свидетелей?

— Пойдемте, я покажу! — заторопилась служанка, искренне радуясь, что может быть полезной.

Она провела меня к закрытой двери, из-за которой раздавались спокойные голоса. Запись показаний проходила, по-видимому, без эксцессов. Я обратилась к стражу, дежурившему на входе, и сказала, что хотела бы пообщаться со свидетелем Николасом Крофтом, если его уже закончили допрашивать. Тот зашел в комнату и вскоре вернулся вместе с невысоким светловолосым мужчиной лет сорока.

— Господин Крофт, — приступила я, когда мы со свидетелем оказались наедине, — я отлично понимаю, насколько сильно вам надоели однообразные расспросы. — Я заговорщицки улыбнулась: — Думаю, вы уже не прочь придушить кого-нибудь из моих коллег.

Мужчина невольно улыбнулся в ответ.

— Тем не менее мне придется помучить вас еще совсем немного, — повинилась я.

— Если смогу быть еще чем-то полезным...

Крофт пожал плечами в знак сомнения.

— Меня, как, несомненно, и других, интересует тот момент, когда госпожа Веллореск заговорила, — пояснила я.

— Вы имеете в виду, когда она прошептала слово «отец», — понимающе кивнул свидетель.

— Именно. Вы можете добавить к описанию ситуации что-нибудь еще? Как именно она произнесла это слово? С какой интонацией? Может быть, у нее в глазах стояли слезы или она, наоборот, улыбалась?

Крофт нахмурился.

— Честно говоря, я, кажется, уже начинаю забывать такие подробности, — признался он. — Прошло несколько часов, и за это время было столько расспросов.

Он с сожалением покачал головой.

— А знаете что? — У меня появилась идея. — Давайте отправимся на то самое место. Возможно, там вы сумеете вспомнить больше.

— Ну хорошо, давайте. — Свидетель выглядел растерянно, но причин возражать не видел.

Убедившись в том, что Тогарту и его людям Крофт больше не нужен, я повела его к месту преступления — или самоубийства. Мы остановились возле широкой дороги, по иронии судьбы сейчас совершенно пустой. С противоположной стороны на нас мрачно взирали закрытые ставнями окна.

— Вы стояли здесь? — спросила я.

— Вот здесь. — Крофт отошел на несколько шагов влево.

— А госпожа Веллореск?

— Тут.

Он указал на место справа от себя и чуть впереди.

— Как вам показалось, она куда-то спешила?

— Нет.

Я не была разочарована таким ответом, поскольку тыкала пальцем в небо с единственной целью заставить Крофта снова погрузиться в те короткие секунды, сосредоточиться и таким образом освежить память.

— Наоборот, была спокойна и расслаблена? Улыбалась?

— Нет... — Блондин нахмурился. — Вообще-то, знаете, — обращенный на меня взгляд вдруг загорелся, — сначала она именно такой и казалась — спокойной, расслабленной, немного даже отрешенной. А потом вдруг как будто удивилась.

— Удивилась? — переспросила я.

— Да. У нее, знаете, как-то округлились глаза. Я-то решил, что обезумела перед самоубийством, но вот сейчас так вспоминаю. Скорее она просто очень удивилась.

— А потом прошептала «отец»?

— Да, — кивнул Крофт.

— А куда она в тот момент смотрела?

Он нахмурился.

— На приближающуюся карету? — решила помочь ему я.

— Нет. Точно нет, — Крофт резко покачал головой. — Вон туда она смотрела! — воскликнул он затем, вытягивая руку.

— На противоположную сторону? — уточнила я.

— Именно! Она голову к карете даже не поворачивала. Прямо смотрела, туда! — снова вытянул руку он.

— А вы не заметили, там кто-нибудь стоял?

— Не думаю. — Крофт окинул задумчивым взглядом противоположную сторону улицы. — Нет, непохоже. Я так помню, с той стороны стояла старушка, женщина с ребенком — я их здесь не в первый раз видел — и еще молодая девушка. И все они вон там стояли, правее, около вон того синего дома.

— Стало быть, три женщины и ребенок? — протянула я.

— Вроде бы да. — Крофт прищурился, воссоздавая картину в памяти, и почти уверенно повторил: — Да.

Что ж, это можно будет проверить: свидетелей ведь достаточно, и у ребят из отдела убийств есть как показания, так и адреса.

— Выходит, принять кого-то из них за своего покойного отца погибшая не могла, — вслух заключила я.

— Выходит, что так, — согласился Крофт.

Я откинула голову назад и прикрыла глаза, как часто делала, выстраивая в уме основанную на разбросанных фактах картину. Итак, что мы имеем? С момента смерти Веллореска-старшего Мелина переживает и пребывает в эмоционально нестабильном состоянии. Примерно месяц спустя она собирается перейти Иллойскую улицу. Как и все, стоит и ждет, пока проедут кареты. Никаких признаков того, что девушка собирается покончить с собой, нет. Вдруг она с удивлением смотрит на противоположную сторону улицы, выдыхает: «Отец!» и мчится вперед, полностью игнорируя приближающуюся карету. Скорее всего, просто ее не замечая. При этом ни одного человека, которого она могла бы принять за своего покойного отца, с той стороны улицы нет.

Открыв глаза, я огляделась и удовлетворенно отметила несколько раскидистых кленов, растущих немного позади.

— Господин Крофт, — вновь обратилась я к свидетелю, которого, похоже, несколько удивило мое предшествовавшее поведение, — вы не откажетесь пройти со мной в участок?

Блондин заметно напрягся.

— Зачем? — обеспокоенно спросил он. — Я ведь все уже рассказал, и показания записаны.

— Не беспокойтесь, — ободряюще улыбнулась я, — это ненадолго. Я приглашаю вас исключительно в качестве свидетеля. Потребуется небольшая экспертиза, для которой необходимо ваше присутствие, поскольку именно вы находились рядом с пострадавшей в момент предполагаемого преступления. С вашей помощью эксперты смогут определить, было ли совершено магическое воздействие на Мелину Веллореск. Я сказала, что вызываю вас в роли свидетеля, но более точно было бы сказать, что вы нужны нам в качестве улики.

Я обаятельно улыбнулась, смягчая таким образом грубоватость сказанного. Нужный эффект мои слова возымели: Крофт расслабился и перестал нервно сжимать пальцы рук.

— В таком случае конечно, — согласился он, улыбнувшись в ответ.

Оставив Крофта дожидаться в нашем кабинете, я постучалась к новому начальству. Не могу сказать, чтобы это соответствовало моим желаниям, но выбора не было. Без его содействия я не могла получить разрешение на экспертизу.

— Разрешите войти? — осведомилась я, приоткрыв дверь.

Оценивающий взгляд исподлобья.

— Входите.

Уилфорт сидел за рабочим столом, на котором лежало несколько стопок с документами.

Бумаги содержались в порядке, что отличало этот стол от рабочего места Дика. Одновременно стол не выглядел девственно чистым, как у Райана. На рабочем месте последнего хорошо, если чернильница с пером имела. Нередко дело ограничивалось парой карандашей. Мой стол представлял из себя нечто среднее между вариантами Дика и Райана и потому, пожалуй, больше всего походил как раз на рабочее место начальства.

Войдя, я взялась за дверную ручку, но услышала резкое:

— Оставьте открытой.

Послушалась и молча подошла к стулу, но Уилфорт обратил внимание на мой удивленный взгляд.

— Не хочу, чтобы благодаря вам меня еще раз обвинили черт знает в чем, — едко произнес он. Я села на стул, и капитан добавил: — Да, и если в вас вдруг проснется патологическое желание отжиматься, будьте так любезны, выйдите за этим в коридор.

Я сглотнула: заявление было несколько неожиданным.

— Сержант Рейс. — Хотя я и пришла в кабинет начальства по собственной инициативе, разговор о деле начал именно капитан. — Недавно я говорил с начальником светлого отдела. Он сообщил мне, что дело о гибели Мелины Веллореск раскрыто отделом по расследованию убийств. Старший сержант Миллорн возвратился на свое рабочее место два часа назад. Вы же оказались в участке совсем недавно. Потрудитесь объяснить, где и как вы провели все это время?

Я потихоньку начала злиться (кажется, это происходит всякий раз, как я пересекаюсь с новым начальством). Он что — думает, я на рынке продуктами закупалась? И объяснять свои действия собралась враждебно, даже агрессивно, но что-то во взгляде Уилфорта меня остановило. Нет, не испугало. Просто мне вдруг показалось, что, несмотря на суровость тона, меня не обвиняют и не предъявляют претензии. Скорее просто ждут объяснений. Каковы я и предоставила.

— Вывод отдела по расследованию убийств, согласно которому госпожа Веллореск покончила с собой, показался мне чересчур поспешным. Поэтому я задержалась и опросила двоих свидетелей.

Серо-голубые глаза прищурились; взгляд стал заинтересованным.

— И что же?

— У меня есть причины полагать, что здесь имело место злоупотребление темной магией.

— Давайте подробнее, — предложил Уилфорт.

И я рассказала о посещении особняка и последующей прогулке на Иллойскую улицу. Уилфорт слушал очень внимательно. В какой-то момент мимо кабинета прошел Дедушка. Прошел очень быстро, но резко остановился, видимо осознав, что увидел внутри мою скромную персону. Полковник дал задний ход и замер в дверном проеме, прислушиваясь. Я не прерывала своего рассказа, внутренне борясь с побуждением немедленно начать отжиматься. Убедившись, что разговор в кабинете проходит пристойно и вообще спокойно, Дедушка продолжил идти своим путем.

— И каковы ваши выводы? — спросил Уилфорт, когда я закончила рассказ.

— Гипотеза, — поправила я. — Думаю, на мозг девушки было оказано магическое воздействие. Некий темный маг был заинтересован в ее смерти или работал на того, кто в этом заинтересован. Он воздействовал на тот участок мозга, который отвечает за зрение. Можно считать, что девушка действительно увидела на противоположной стороне улицы

своего покойного отца.

— Целенаправленно вызванная галлюцинация? — уточнил капитан.

— Что-то в этом роде, — кивнула я. — Не исключено, что девушка сама подала преступнику идею. Сказала что-нибудь в духе «Ах, если бы отец был жив!» или «Иногда я иду по улице, и мне кажется, будто отец идет мне навстречу». Создатель галлюцинации фактически исполнил ее сокровенное желание, и именно поэтому мозг не воспротивился вмешательству. А увидев отца, Мелина, естественно, бросилась к нему, забыв обо всем на свете, — на что преступник и рассчитывал.

Уилфорт кивнул, не сводя с меня внимательного взгляда.

— Что ж, ваша версия представляется вполне логичной, — заключил он. — Ее, безусловно, следует проверить.

— Именно поэтому я и пришла, — сообщила я, гадая: пойдет он теперь навстречу или как? — Для того чтобы получить разрешение на экспертизу, необходима ваша подпись.

И я протянула Уилфорту приготовленный заранее документ. Точнее сказать, лист бумаги, на котором было написано всего несколько строк — стандартный запрос, адресованный начальнику экспертного отдела.

Капитан взял листок в руки, внимательно прочитал, после чего обмакнул перо в чернильницу и, убедившись, что темный краситель не капнет на стол, поставил подпись под текстом. И передал бумагу мне. Вид у меня, должно быть, был несколько ошарашенный. Почему-то я не ожидала, что это пройдет так легко.

— Для обращения в экспертный отдел всегда требуется такая процедура? — поинтересовался Уилфорт, взглядом указывая на документ.

— Нет, — честно ответила я. — Обычно все проще и намного менее формально. Но данное дело официально ведет не наш отдел. Поэтому нам придется на каждом этапе сталкиваться с бюрократией, письменными запросами и прочими сложностями. В конечном итоге мы сможем довести расследование до конца, но волокиты будет на порядок больше, чем обычно.

Капитан кивнул, принимая информацию к сведению. Затем спросил:

— Экспертизу какого рода вы намерены запросить? Насколько мне известно, после смерти человека невозможно выявить следы темного магического воздействия. Это не так?

— Это так, — подтвердила я. — Но дело в том, что в момент предполагаемого воздействия совсем рядом с жертвой стоял еще один человек. В данный момент он дожидается в моем кабинете. Так вот, если магия действительно применялась, ее следы возможно будет определить, обследовав мозг этого свидетеля.

— Каким образом? — нахмурился Уилфорт. — Вы хотите сказать, что действие магии распространилось и на него?

— В чрезвычайно ограниченной степени, — постаралась объяснить я. — Никакого эффекта вроде галлюцинаций это не имело. Ситуация похожа на... — Я щелкнула пальцами. — Представьте себе, что я выплескиваю в лицо человеку стакан сока. На стоящих неподалеку людей могут попасть мелкие капли. Вполне вероятно, что они этого даже не почувствуют, но, тщательно обследовав их кожу и одежду, эти капли можно будет обнаружить и определить по ним, какой это был сок. Так же и здесь.

— Это мне было неизвестно, — задумчиво признался Уилфорт.

— Свидетели не слишком часто оказываются настолько близко от жертв в момент применения темной магии, — пояснила я. — Кроме того, нужно быть высококлассным

профессионалом, чтобы выявить мельчайшие следы магического вмешательства. В нашем участке работают отличные эксперты. Возможно, лучшие.

Я сочла, что имею право похвастаться, раз уж речь не идет лично о моей работе.

— Да, это я знаю, — ответил, к моему удивлению, Уилфорт.

Он произнес эти слова с такой интонацией, что мне даже подумалось: а не повлияло ли данное обстоятельство на его решение прийти работать именно в наш участок?

— Что ж, известите меня о результатах экспертизы, — завершил наш разговор Уилфорт.

Я известила. Результаты оказались более чем вдохновляющими. Моя гипотеза подтвердилась: экспертиза выявила следы воздействия темной магии. По характеру колебаний магической энергии можно было сделать следующие выводы. Во-первых, объектом воздействия являлся не Крофт, а находившийся в непосредственной близости от него человек. Во-вторых, воздействие было произведено за четыре-шесть часов до проведения экспертизы. Время мнимого самоубийства попадало в этот отрезок. И в-третьих, воздействовали на участок мозга, отвечающий за зрительное восприятие.

Теперь оставалась самая малость: выяснить, кто именно совершил преступление и с какой целью.

Увы, второй этап расследования оказался значительно более сложным, чем первый. При взгляде со стороны это, наверное, выглядит неудивительным. Ведь зачастую, когда дело не касается темной магии, способ, которым было совершено преступление, известен сразу, и следствие заключается именно в поиске виновного. Однако специфика нашей работы — несколько иная. В нашем случае труднее всего выявить сам факт злоупотребления магией, а затем определить, как именно преступник воздействовал на мозг жертвы. После того, как это становится ясно, вычислить преступника, как правило, бывает делом техники.

Увы, не в этом конкретном случае.

С точки зрения мотива главными подозреваемыми становились братья Мелины, и в первую очередь — старший из них, Дункан. Завещания девушка не оставила, и, следовательно, именно он становился теперь главным наследником. Оба брата фигурировали в нашей базе данных как светлые маги, однако на всякий случай мы их проверили. Это было совершенно несложно. Мы просто попросили каждого продемонстрировать свои магические способности. Это позволило окончательно удостовериться, что ни один из них не являлся замаскированным темным.

Талант Дункана заключался в умении создавать иллюзии. По мановению его руки перед нами с Райаном возник несуществующий цветок. Конечно, такой дар наводил на определенные подозрения, однако мы очень быстро их отвергли. Во-первых, если бы образ отца, который «увидела» Мелина, являлся подобной иллюзией, он предстал бы не только перед взором девушки, но и перед остальными свидетелями. Во-вторых, мы уже получили косвенные доказательства того, что на нее воздействовал именно темный маг.

Способности Свера оказались и вовсе скромными. Юноша умел, не прикасаясь, приподнимать над землей предметы. Всего на несколько сантиметров и очень ненадолго.

В более широком окружении Мелины Веллореск темных оказалось немного. Среди родственников, друзей и слуг — всего двое: конюх и горничная. Способности у обоих были весьма ограниченные и не имели ни малейшего отношения к зрительному восприятию и галлюцинациям. Конюх в придачу оказался еще и непроходимо туп. Горничная была существенно умнее и приятнее в общении, к тому же рассказала нечто интересное. Оказывается, несколько месяцев назад Дункан подробно расспрашивал девушку о ее магическом даре. С какой целью, горничная не знала, а спрашивать самого Дункана мы не стали, на данном этапе предпочтя сохранить полученную информацию в секрете.

Я попыталась подойти к поиску и с другой стороны, отправившись на место преступления и тщательно обследовав территорию, на которой росли кленовые деревья. По моим предположениям, именно за ними скрывался темный маг, воздействовавший на Мелину. Увы, и тут поиски не принесли результатов. Никаких улик вроде случайно оброненных преступником часов или даже какой-нибудь несчастной булавки не нашлось.

Все эти неудачи были тем более досадны, что Уилфорт, перед которым приходилось регулярно отчитываться о ходе следствия, оказал нам совершенно неожиданную помощь. На следующий же день после проведения экспертизы я сообщила Райану, что хочу побеседовать с братьями Мелины, а потому мне понадобится специальное разрешение от начальника отдела по расследованию убийств. К моему удивлению, Райан ответил, что не понадобится. Как выяснилось, Уилфорт добился, чтобы дело передали в ведение нашего отдела. Как ему

это удалось, было неизвестно.

— Альтернативные мотивы?

Мы вчетвером сидели за столом в кабинете Уилфорта — сам капитан, Дик, Райан и я. Вопрос Уилфорта был адресован младшему сержанту, в задачу которого как раз и входил поиск дополнительных версий, не имеющих отношения к братьям Мелины и ее наследству.

— Ничего, — голос Дика звучал непривычно серьезно. Невозможность найти хоть какую-то зацепку ввергала в уныние. — Врагов у госпожи Веллореск не было. Бурную личную жизнь она не вела. В долг не брала, азартными играми не увлекалась. Ну, завидовала пара подруг ее браслетам и колечкам. Но за такое не убивают, да и не пропало у нее ничего.

— Это подруги тебе сами рассказали? — удивился Райан, имея в виду, конечно, зависть, а не все остальное.

— Нет, конечно, — фыркнул Дик. — Станут они со мной разговаривать. Аристократки из высшего общества, высокомерные настолько, что зубы сводит. Что им следовательно? Вся информация от служанок.

Он прикусил губу и поднял глаза на Уилфорта, запоздало сообразив, что отрицательно высказываться об аристократах в присутствии последнего было несколько недальновидно. Однако понять, оскорбился ли капитан, не выходило: тот сидел с непроницаемым лицом.

— Существует еще одно направление, — заметила я, спеша сменить тему, — хотя и не слишком перспективное. Теоретически Дункан мог обратиться к услугам профессионала.

Уилфорт кивнул и одновременно поморщился, соглашаясь таким образом сразу с обоими моими утверждениями — и с тем, что упомянутая возможность существует, и с тем, что вероятность близка к нулю. Все дело в том, что наемных убийц у нас в королевстве почти не существовало. Страна по площади небольшая, перемещение подданных достаточно неплохо отслеживается, и залечь на дно здесь очень трудно. А кроме того, возможно в силу культурных особенностей, здешние жители предпочитают решать свои проблемы самостоятельно. Наконец, наемный убийца, пользующийся темной магией, — это и вовсе редкость. Уж очень характерный почерк будет у такого человека, ведь он всякий раз станет воздействовать на один и тот же участок мозга.

Поэтому и вероятность быть пойманным существенно повышается.

— Эту возможность я проверю по своим каналам, — после короткой паузы сказал Уилфорт. — Однако на вашем месте я бы сосредоточился на других версиях. — Его голос прозвучал не слишком довольным, и я уже ожидала, что он вот-вот заявит: «Я крайне разочарован, господа». — Если в смерти Милены Веллореск были заинтересованы исключительно ее братья, значит, один из них должен быть в тесной связке с неким темноволосым. Возможно, это близкий друг, а возможно, его держат под контролем, например, при помощи шантажа. Так или иначе, заказчик должен быть уверен, что исполнитель не выдаст его властям. Ищите в этом направлении. — Это было сказано нам с Райаном; затем Уилфорт повернулся к Дику: — И продолжайте прорабатывать альтернативные мотивы. Это все.

Мы быстро встали и ушли, предпочитая не мозолить глаза недовольному начальству.

Назавтра нарыть ничего нового так и не удалось. Вечером я поняла, что продолжать раздумывать над данным делом бессмысленно. Было необходимо сделать хотя бы небольшой перерыв, дать мозгам отдохнуть от семейства Веллореск. А там, глядишь, и придет в голову какая-нибудь светлая мысль.

Чтобы переключиться, я села писать отчет по «Делу отличника». Как ни крути, а установленный Уилфортом недельный срок подходил к концу. Зажгла свечи — к счастью, казенные, — умыла лицо холодной водой, открыла нужную папку и взялась за перо.

«Дело отличника» было довольно-таки любопытным. Студенты математической кафедры Тель-Рейского Королевского университета стали на удивление хорошо сдавать экзамены по нескольким сложным предметам. Сначала на это не обратили особого внимания, думали, талантливый поток. На следующий год все повторилось, и тут необычно высокая успеваемость стала вызывать подозрения. Преподаватели начали особенно рьяно искать шпаргалки... и ничего не находили. Это заставило их отнестись к ситуации с еще большим подозрением, ибо, как правило, шпаргалки при тщательном обыске все-таки обнаруживались. Однако прошел еще год, прежде чем одному лектору пришло в голову обратиться к нам. Казалось бы, ну повысилась у студентов успеваемость. Ну пусть даже списывает кто-то. Не к стражам же обращаться!

Оказалось, что именно к стражам. Когда делом занялись профессионалы, то бишь мы, много времени на разбирательство не ушло. Все было просто, хотя при этом и гениально. Нашелся умник (тот самый «отличник»), из темных, который обладал весьма редким даром. Стоит отметить, что некоторые темные маги способны, единожды взглянув на исписанный лист, занести его в свою память. Не читая и не имея ни малейшего представления о содержании. Слово просто скопировать этот лист в глубине собственного мозга, а впоследствии «прочитать» — тогда, когда в этом возникнет необходимость.

Так вот, отличник уникален тем, что пошел дальше. Он был способен перенести подобную информацию в чужую память. Грубо говоря, он составил длинную и подробную шпаргалку, которую помещал прямо в мозг экзаменуемым. Разумеется, за материальное вознаграждение. Найти такую шпаргалку преподаватели, ясное дело, не могли, а студенты по понятным причинам тайну своего спасителя не раскрывали. Ну а после того, как мы во всем разобрались, вопрос, что делать с самородком, отпал сам собой. Его очень быстро забрали люди из тайной канцелярии, которые сочли, что такой талант пригодится на государственной службе. Не думаю, что парень на них в обиде. Жалованье на новой работе, вне всяких сомнений, куда выше, чем плата за шпаргалки, которую могут позволить себе студенты.

Исписав пять страниц, я почувствовала, как слипаются глаза. Подняла голову и, щурясь, оглядела погрузившуюся в темноту комнату. Тонкие свечи, успевшие сгореть наполовину, выхватывали из мрака лишь небольшое пространство над столом. Интересно, я последняя или кто-то еще заработался допоздна, не считая охраны?

Откинулась на спинку стула. Пожалуй, идти домой смысла нет. Лучше чуть-чуть передохну и продолжу писать. Хоть закончу до завтра. Правда, есть немного хочется, но столовая уже закрыта, а дома, кажется, пусто: еду я купить забыла.

Огонек свечи расплылся перед моим расфокусированным взглядом. Зевнув, я прикрыла глаза. Совсем немножко отдохну — и снова за работу...

Когда я проснулась, в комнате было светло. За окном серело облачное утро. Ничего себе! Выходит, я так и проспала на стуле всю ночь. И отчет не доделала. Ну да ладно. Зато хоть, кажется, выспалась, только тело немного затекло.

Я повела плечами, а затем потянулась, и только тут обнаружила, что укрыта теплым шерстяным пледом. Откуда он взялся? Я точно помню, что засыпала без него. Да и не собиралась я так уютно устраиваться, хотела только ненадолго прикрыть глаза. Наверное,

Райан или Дик постарались, хотя раньше я за ними такой заботливости не наблюдала.

Еще раз потянувшись, я скинула плед, встала. и уставилась на стол, чувствуя, как холодеет все внутри. Отчета не было. Судорожно сглотнув, я быстро перерыла все стопки бумаг на случай, если отчет затерялся в одной из них, хотя отлично знала, что такого быть не могло. Я точно помнила, что оставила его прямо перед собой, на свободном пространстве, отдельно от прочих бумаг.

— Доброе утро!

В комнату вошел Райан, и я сразу же кинулась к нему.

— Скажи, ты брал отчет по «Делу отличника»?

Я даже кулаки сжала от волнения. Так хотелось верить, что он скажет «Да»!

Увы.

— Нет. Даже не видел. А что, он уже готов? — удивился Райан.

— В том-то и дело, что нет, — буркнула я, разом теряя к коллеге интерес, и устремилась на поиски Дика.

На то, чтобы разыскать младшего сержанта в дебрях участка, ушло минут десять. Но, как быстро выяснилось, это время было потрачено безрезультатно: Дик тоже ничего не знал ни о каком отчете. Сказал, что, когда он пришел на службу и обнаружил меня спящей на стуле, отчета на столе не видел. Меня же предпочел не будить.

Я разволновалась не на шутку. С одной стороны, казалось бы, ничего такого уж страшного нет: жили мы без этого отчета и дальше проживем. Напишу я его по новой, в конце-то концов. В срок уже не уложусь, но, положив руку на сердце, вряд ли Уилфорт меня так-таки за это уволит. С другой стороны, самая мысль о том, что придется заново садиться за сделанную уже работу, вгоняла в такое уныние, что хоть принимайся крушить все кругом. И вот ведь как человек устроен. Знай я, что нужно написать пять страниц нового отчета, эта мысль вовсе не выбила бы меня из колеи. Но сейчас, когда садиться надо было за работу, уже в сущности проделанную, я готова была загрызть кого-нибудь живьем. К тому же, помимо моей писанины, к отчету прилагались кое-какие документы, и потерять их было совсем уж нехорошо.

Словом, я сочла ситуацию достаточно серьезной, чтобы заглянуть к Уилфорту.

— Господин капитан!

Предварительно постучав, я слегка приоткрыла дверь, на которой красовалась табличка с именем нового начальника.

— Входите.

Вообще-то я бы предпочла пообщаться так, через порог, но пришлось подчиниться. То ли начальник верил в приметы, то ли был гостеприимно настроен с утра пораньше.

— Господин капитан, я хотела спросить, не брали ли вы отчет по «Делу отличника».

Я старалась придать своему лицу как можно более небрежное выражение. Якобы я не потеряла отчет, а просто хочу уточнить, вдруг Уилфорту довелось его проглядывать. Ответ капитана меня поразил.

— Да, — кивнул он. — Отличный отчет. Я просмотрел его и передал в архив.

— А... В архив? — удивилась я. — Дело в том, что он не закончен.

— Вы ошибаетесь, — бесстрастно ответил Уилфорт. — Отчет дописан, вся работа завершена. Так что вы можете сосредоточиться на других делах. У вас есть ко мне что-нибудь еще?

— Никак нет, — пробормотала я.

— Хорошо. Вы свободны.

Капитан демонстративно сосредоточился на лежащих перед ним документах, а я, ничего не понимая, вышла за дверь. Ясно было одно: переписывать отчет не придется.

Ближе к середине дня ветер разогнал облака, и мы с Диком вышли на улицу, чтобы немного развеяться и подышать свежим воздухом. Дик только что закончил допрос свидетеля, я возвратилась после очередной безуспешной попытки раскопать что-нибудь полезное по делу Веллореск. Райан уехал с той же целью и еще не вернулся. Я стояла, попивая пристывший кофе из большой керамической кружки.

Внезапно старая дверь, ведущая в наше здание и давно уже державшаяся на честном слове, распахнулась, и на порог вышел Уилфорт. Мы с Диком инстинктивно встали по стойке «смирно» (что в кружкой в руке смотрелось достаточно странно). И приготовились к тому, что нас незамедлительно начнут отчитывать. Как-никак в рабочее время мы были не на рабочем месте.

Однако мы ошиблись. Капитан лишь скользнул по нам взглядом, после чего сосредоточил свое внимание на дороге. Он явно кого-то поджидал. И вскоре дождался. Из подъехавшей к участку кареты вышла, опираясь на предупредительно протянутую руку слуги, молодая женщина. Богатая, холеная, без сомнения, аристократка и, как и большинство из них, светловолосая. Волосы золотистые, тонкие, идеально уложенные; из высокой прически аккуратно спускается несколько локонов. Легкое платье изумрудного оттенка развеивается на ветру. С запястья свисает совершенно не нужный при нынешней погоде веер. Туфли на таких узких и высоких каблуках, что при одном только взгляде на них у меня начинает кружиться голова.

Уилфорт подошел и галантно взял ее под руку. Можно сказать, слуга сдал ее с рук на руки капитану. Женщина приблизилась к зданию участка (и как только не спотыкается?), обвела взглядом дверь, затем запрокинула голову. На ее лице появилось выражение брезгливости.

— Значит, здесь ты теперь служишь? — спросила она у Уилфорта с нескрываемым сочувствием.

Последнее его, кажется, разозлило. Во всяком случае, ответ капитана прозвучал холодно, а на лице не сохранилось и тени улыбки.

— Как видишь, здесь.

Женщина реакцию капитана словно не заметила и страдальчески поцокала языком.

— Ничего не скажешь, разительная перемена, — бросила она.

Уилфорт скользнул по нам с Диком быстрым взглядом, и я поспешила сделать вид, что вчитываюсь в висящее на столбе объявление. Капитану явно было не слишком приятно, что этот разговор ведется в нашем присутствии.

— Перемены часто бывают к лучшему, — немного грубовато заметил он. — Может быть, пройдем внутрь? Прости, Алита, ты позвонила мне по эхофону всего четверть часа назад. Этого времени было недостаточно, чтобы отменить сегодняшние дела. Так что у меня в запасе всего четверть часа.

— Что же, пойдем.

Дама с прежней брезгливостью покосилась на дверь. Нас с Диком она и вовсе не заметила; во всяком случае, вела себя так, будто мы были пустым местом. Я скорчила ей в спину гримасу, но ступала, поймав на себе пристальный взгляд Уилфорта, который,

конечно же, пропустил даму вперед.

— Любопытно, с какой целью этой милой девушке срочно понадобился наш капитан? — задумчиво поинтересовался Дик после того, как за этими двоими закрылась дверь.

Ответа от меня он не ждал, просто размышлял вслух.

— А главное, — продолжал он, — на что именно Уилфорт согласился выделить ей ровно пятнадцать минут?

Я поморщилась.

— Вряд ли на то, на что ты намекаешь. С его-то темпераментом? Такой человек никогда не станет использовать рабочий кабинет не по назначению.

— Только не говори, что она приехала к нему по работе, — фыркнул Дик. — Нет, ты не права. При его любви к идеальному порядку он вполне мог бы сказать: у вас три минуты на раздевание, три на одевание, три на прелюдию и шесть — на все остальное. Потом напишете подробный отчет и сдадите его в архив.

Я укоризненно насупила брови. Отчего-то намеки младшего сержанта были мне неприятны.

— По-моему, ни один нормальный мужчина не захочет провести с такой, как она, даже пятнадцать минут, — высказалась я.

— Почему? — не согласился Дик. — У нее ножки аппетитные, это видно, когда ветер за платье принимается. Да и вообще так...

Он изобразил руками в воздухе округлости женской фигуры.

— Зато характер у нее премерзкий, — отрезала я. И, кривляясь, спародировала: — Значит, здесь ты теперь служишь?

— Да брось, — беззлобно отмахнулся Дик. — Она, конечно, не ангелочек, но и не так ужасна. Признайся, ты ей просто завидуешь.

— Ей? С чего бы это?

— Да ладно, Тиана, я же это не с упреком, — примирительно протянул Дик. — Для нас завидовать таким, как они, — совершенно нормально. У них есть все то, о чем мы даже мечтать не рискуем. Дорогие вещи, новейшие магические разработки, связи.

— Зато я знаю, что все, что у меня есть, я заработала сама, — горячо возразила я. — И все, что имею, имею заслуженно.

— Верно, — кивнул Дик, — и тем не менее. Вспомни, как ты сама недавно жаловалась, что на рынке появилась вишня, но стоит так дорого, что тебе надо пару месяцев откладывать деньги на одну корзинку.

— Подумаешь! — упрямо фыркнула я, сразу почувствовав, как захотелось спелой, чуть кисловатой вишни. — Зато я могу поехать в лес и набрать себе земляники и малины совершенно бесплатно.

— Сейчас, летом, можешь, — согласился Дик. — Только когда ты в последний раз выбиралась в лес? С нашей работой времени на такое удовольствие не остается. И потом, сезон закончится, и ягод в лесу не будет. А в теплицах их выращивают круглый год. Вот только на эти ягоды у нашего брата денег не водится. Зато такие, как Алита, даже разницы в цене не заметят.

В словах Дика была грустная правда. Существовали специальные теплицы, в которых работали светлые маги, воздействующие на погоду. Они поддерживали в этих длинных светлых шатрах нужные климатические условия, что позволяло круглый год выращивать

всевозможные фрукты и ягоды. И цены на эти продукты действительно «кусались».

— Значит, вместо вишни и дыни буду обходиться капустой и морковью, — с подчеркнутым безразличием пожала плечами я. — Тоже вкусно и полезно, большой беды не вижу.

Говорила, а сама думала: и чего я упрямлюсь? Есть чему позавидовать, понятное дело. Ладно ягоды. Уж у нее-то наверняка есть самый современный приемник эхолиний, из тех, что копируют голоса. Ах уж эхофон! Уилфорт сам сказал, что Алита именно по нему позвонила. Эхофоны работали приблизительно по тому же принципу, что и эхолинии. Телепатия, способностью к которой обладали некоторые темные, соединенная с современными технологиями. Человек произносит слова, и аппарат фиксирует их наподобие человеческого мозга. Если хозяин — темный и обладает достаточно развитыми способностями к телепатии, он может даже не произносить слова вслух, а передать их мысленно.

Затем аппарат телепатически переправляет информацию другому аппарату, тому, с которым налажена связь. И наконец этот второй воспроизводит «услышанный» текст, донося его таким образом до собственного хозяина. Стоят эхофоны безумно дорого. Ни одному человеку моего круга они не доступны.

— И вообще, — продолжала я доказывать плюсы собственного образа жизни, — разве люди ее круга могут нормально, по-человечески отдыхать? Просто веселиться, не думая о том, кто и как на них в эту секунду посмотрит?

— Зато какие у них балы! — не поддержал меня Дик. — Так танцевать никто из нас не умеет.

— Я умею танцевать! — возмутилась я. — Я знаю, как танцевать вальс.

— Серьезно? — младший сержант оживился. — А научишь меня?

— Да легко! Давай, иди сюда. — Я решила не откладывать в долгий ящик. — Встань напротив меня. Вот так. Теперь положи правую руку мне на талию. Дик! Я сказала «на талию»!

— А я куда положил?

— А ты положил на... э... В общем, талия выше. Вот так. — Я сама передвинула его руку. — Теперь второй рукой бери мою ладонь. И делай шаг вперед правой ногой.

То, что мы танцевали пару минут спустя, сильно отличалось от вальса. Скорее мы просто прыгали, взявшись за руки и описывая круги у входа в здание. При этом я громко отсчитывала «Раз, два, три!», но наши движения в такт совершенно не попадали. Впрочем, нам это нисколько не мешало: оба получали от процесса искреннее удовольствие. Ровно до того момента, пока на счет «два» в кого-то не врезались.

Я как раз оказалась к помехе спиной, поэтому лишь развернувшись, поняла, что произошло. Оказывается, капитан с Алитой как раз выходили из участка и, спустившись с порога, столкнулись с развлекающимися сержантами. При этом взгляд Уилфорта выражал просто гнев, а вот взгляд его спутницы был преисполнен такой брезгливости и искреннего презрения, что от него на душе становилось куда как более тошно. Ну да, глупо вышло и как-то неловко. Но не насекомые же мы, в конце-то концов.

— Господа, у вас мало работы? — грозно осведомился Уилфорт.

— Это твои подчиненные? — Алита скривилась. — Жалкое зрелище. Право, Алджернон, подумай о возвращении в столицу!

— Спасибо, Алита, но я уже все сказал по этому поводу, — холодно ответил Уилфорт. —

На данный момент в мои планы это не входит. Господа, вы еще здесь?

Дик поспешил юркнуть в дверь. Я тоже поднялась на порог, но все-таки задержалась.

— Я отпустила карету: мне нужно немного пройтись по центру, — сказала Алита. — Потом я уезжаю из города, но завтра вернусь. Если ты не возражаешь, зайду к тебе. Примерно в это же время.

Я инстинктивно посмотрела на солнце. Около двух часов пополудни. Когда опустила глаза, Алита уже направлялась к выходу из примыкавшего к участку дворика. Но, остановившись, обернулась и помахала капитану рукой.

И тут у меня глаза полезли на лоб. Нет, при других обстоятельствах я бы, наверное, ничего не определила. Как я уже упоминала, на открытом пространстве слишком много помех. Но поскольку сейчас мое внимание было полностью сосредоточено на Алите, а людей поблизости было совсем немного, я отчетливо ощутила волну темной магической энергии, направленной на Уилфорта. Более того, волна была достаточно мощной, чтобы я сумела определить зону воздействия и догадаться об эффекте.

Длилось все это совсем недолго, буквально несколько секунд. Затем Алита развернулась (я успела заметить довольную улыбку, которую девушке сложно было сдержать) и зашагала прочь.

Уилфорт не стал долго смотреть ей в спину. Повернулся к двери и вперил в меня злой взгляд.

— Сержант Рейс, — сурово проговорил он, направляясь ко мне, — насколько я понимаю, после сдачи отчета по «Делу отличника» у вас появилась масса свободного времени?

— Никак нет, — вытянувшись, ответила я, но уходить все равно не стала. — Капитан Уилфорт, разрешите обратиться!

— Что у вас еще? — поморщился он.

— Эта дама...

Я сделала паузу, давая понять, что не знаю, как следует называть ушедшую.

— Алита Ростри, — нехотя сообщил Уилфорт.

— Госпожа Ростри, — кивнула я. — Только что применила по отношению к вам темную магию.

Брови капитана поползли вверх, в результате чего на лбу проявилось несколько горизонтальных морщин.

— Госпожа Ростри сделала что? — бесцветным голосом переспросил он.

— Воздействовала на ваш мозг при помощи магической энергии, — четко ответила я, делая вид, будто не вижу его скептицизма. — Насколько я понимаю, без вашего ведома и, следовательно, незаконно.

— Сержант Рейс, — медленно, чтобы сдержать гнев, заговорил Уилфорт, — судя по всему, вам напекло солнцем голову. Или танцы на свежем воздухе негативно воздействуют на ваши умственные способности. Вы хотя бы обратили внимание на цвет волос госпожи Ростри?

— Так точно, золотистый! — отрапортовала я.

— Следовательно?..

— Следовательно, она лишена способности применять темную магию, — известные истины отскакивали от зубов. — Тем не менее она ее применила.

Капитан в раздражении закатил глаза.

— Сержант, да будет вам известно, что я знаком с госпожой Ростри с детства. И могу присягнуть, что цвет ее волос — самый что ни на есть натуральный. Она — светловолосая из чистокровной светловолосой семьи. Ее возможности весьма ограничены даже в области магии светлых. Воздействовать же на мозг она неспособна по определению.

— И все-таки темное воздействие имело место. — Упрямства мне было не занимать. — Область воздействия — память. Госпожа Ростри только что стерла какие-то ваши воспоминания. Судя по продолжительности воздействия, лишь краткий эпизод.

Уилфорт молча сверлил меня взглядом. Не поверил ни на грош, но просто не представлял, что еще сказать после того, как я фактически проигнорировала совершенно убийственный довод.

— Сержант Рейс, я начинаю сомневаться в ваших профессиональных качествах, — процедил он.

— Капитан Уилфорт, — я почему-то несколько не обиделась, — скажите, можете ли вы в деталях вспомнить ваш разговор с госпожой Ростри?

При этих словах капитан отчего-то поморщился. Опустил взгляд в землю и нахмурился, сосредотачиваясь на воспоминаниях. Потом поднял на меня глаза и уверенно сообщил:

— Я отлично помню этот разговор. Вы удовлетворены?

— Можно еще один вопрос? — Я догадывалась, что ответом будет «Нельзя», поэтому поспешила продолжить: — За время этого разговора госпожа Ростри сообщила вам что-нибудь важное? Что-нибудь, что оправдало бы ее, как я понимаю, неожиданный и срочный визит?

По тому, как теперь смотрел на меня Уилфорт, я поняла, что попала в точку. Должно быть, девушка вела речь о погоде, общих знакомых и прочих мелочах, но ничего настоящего существенного не сказала.

— Она приехала специально для того, чтобы обработать вашу память, — заявила я. — Делать это в помещении не решилась, поскольку знала, что в таких условиях воздействие намного легче засечь. И потому предпочла применить магию во дворе, по окончании встречи.

Уилфорт, кажется, еще более злой, чем прежде, шагнул ко мне вплотную.

— Почему я должен вам верить? — спросил он сквозь стиснутые зубы.

Спросил так, что мне на миг показалось: речь идет далеко не только об Алите Ростри.

— Не надо мне верить, — спокойно ответила я. — Просто сходите к лейтенанту Флаю. Я вас очень прошу. Если он скажет, что никакого воздействия не было, я возьму все свои слова обратно.

Лейтенант Флай был высококлассным экспертом, который, во-первых, определял наличие и природу темного воздействия, а во-вторых, умел снимать последствия ононого.

Подул ветерок, и мне очень живо вспомнилась зеленая ткань и то и дело обнажающиеся икры Алиты.

— Хорошо, — мрачно сказал Уилфорт. На его лице словно высечен был анекдот про зануду, с которым легче переспать, чем объяснить, почему не хочешь этого делать. — Я посетил лейтенанта Флая. Надеюсь, что после этого больше не услышу с вашей стороны ни слова на данную тему. А сейчас возвращайтесь к работе над делом Веллореск. Надеюсь, вы еще не окончательно о нем забыли?

Он пришел ближе к вечеру, когда я просматривала протоколы допросов по делу

Веллореск. Дик уже отправился домой, а Райан вышел в соседний отдел, оставив меня в одиночестве. И почти сразу же в кабинет зашел Уилфорт.

— Вы были правы, — хмуро сказал он, приблизившись к моему рабочему столу. — А я ошибался. Воздействие действительно было, и именно на память. Приношу вам свои извинения. Я был неоправданно резок.

— Не стоит, — поморщилась я. — В такое действительно непросто поверить. Флаю удалось восстановить воспоминания?

— Да. — Уилфорт придвинул себе стул. — Алита... Госпожа Ростри действительно была заинтересована в их исчезновении. Но я точно знаю, что она — светлая. Как такое возможно? У вас есть предположения на этот счет? Мог ли произвести воздействие ее сообщник, скрывавшийся неподалеку?

Я задумалась, затем покачала головой.

— Вряд ли. Я почувствовала, как воздействие исходит именно от нее. Это действительно было удивительно, но на тот момент я подумала: может быть, у нее просто крашенные волосы. Или парик.

— Ни то ни другое, — возразил капитан.

— Понятно, — я сосредоточенно кивнула. — Тогда я в самом деле не знаю, что сказать.

— У меня к вам будет просьба, — неожиданно произнес Уилфорт.

Я подняла на него удивленный взгляд.

— Сейчас госпожи Ростри нет в городе. — Капитан посмотрел на стопку бумаг, затем на окно, потом снова на стол. Похоже, чувствовал он себя довольно-таки неловко. — Но завтра она вернется и снова приедет сюда. Мне придется ее допросить... — Непродолжительное молчание. — Вы согласитесь присутствовать при допросе?

Вот теперь я поняла причину его дискомфорта. После того как Уилфорт обратился за помощью к Флаю, дело о злоупотреблении магией было зафиксировано, и теперь капитан при всем желании не мог его замять. Он был обязан допросить подозреваемую в соответствии с законом. И по закону на допросе должен присутствовать второй страж, который следит за соблюдением прав допрашиваемого, а заодно, как правило, ведет протокол. Однако учитывая, что речь шла о его знакомой, да еще и женского пола, радости все это Уилфарту не доставляло. К тому же он элементарно не хотел выносить сор из избы. Поэтому и предпочитал, чтобы при допросе присутствовала именно я, которая волей обстоятельств и без того была в курсе ситуации, по крайней мере частично.

И зачем просил? Мог бы просто распорядиться.

— Конечно, — кивнула я.

— Я извещу вас, когда она прибудет, — с облегчением сказал Уилфорт, поднимаясь на ноги. — Думаю, это произойдет около половины второго-двух.

— Хорошо.

Он вышел было из кабинета, но на пороге остановился и негромко сказал:

— Спасибо.

Отреагировать я не успела: его гулкие шаги уже раздавались в глубине коридора.

— Ты хотя бы понимаешь, что натворила?! — взревел Уилфорт. — Как ты могла пойти на такое?!

Все время допроса я старалась тихо сидеть в уголке и держаться как можно более незаметно. Видимо, мне это удалось: про мое присутствие забыли напрочь. И то верно: информация, полученная от Алиты Ростри, оказалась серьезной, чтобы не сказать судьбоносной.

Сначала девушка всячески отпиралась, строя невинные глазки. Продолжалось это до тех пор, пока Уилфорт не вышел из себя. Осознав, что отпираться бессмысленно и ее вина фактически доказана, Алита все-таки рассказала, как ей удалось прибегнуть к помощи темного воздействия. Тут у нас с капитаном глаза полезли на лоб. Выяснилось, что в Тель-Рее появилась подпольная лавка, хозяин которой торгует так называемым «экстрактом темной магии». Покупатель объясняет, воздействие какого рода ему требуется, после чего продавец готовит на заказ нужную смесь. Или не смесь, а тот самый экстракт; Алита и сама толком не поняла, что именно из себя представляет этот продукт. Она получила небольшую бутылочку, наполненную не жидкостью, а скорее каким-то газом. Указания по применению были просты: выдернув пробку, вдыхать содержимое бутылки на протяжении десяти секунд. В течение трех часов после этого она имела возможность прибегнуть к темной магии. При этом ей было доступно лишь одно воздействие и именно того характера, который оговаривался изначально. В данном случае — корректировка памяти.

Торговец также проинструктировал Алицу касательно того, как применить темную магию. В целом это было несложно: нужная энергия есть, а остальное — вопрос минимальной сосредоточенности. Достаточно просто посмотреть на того, кого хочешь околдовать, и мысленно сконцентрироваться на нужном воспоминании. Остальное «экстракт» сделает сам.

О подобном «экстракте» и Уилфорт, и я слышали впервые. Видимо, речь шла о новейшем изобретении какого-то очередного самородка, будь они неладны. Оптимизм внушало одно: за бутылочку Алите пришлось выложить баснословную сумму. Следовательно, данное средство мало кому было доступно, и оставался шанс, что распространиться оно не успело. Отряд захвата был незамедлительно отправлен по данному Алитой адресу. Мы же остались в кабинете. Я притворялась предметом интерьера, дабы не смущать остальных присутствующих. Они же продолжали вести разговор, который уже трудно было назвать допросом.

— Ты хоть понимаешь, что тебе теперь грозит? — взбешенный, Уилфорт склонился над сжавшейся в комок Алитой. — Злоупотребление темной магией — это в самом лучшем случае семь месяцев тюрьмы! И то — с учетом смягчающих обстоятельств! А могут дать и два года! Дело заведено, и я не могу теперь взять — и его закрыть!

Девушка разрыдалась в голос.

— Я просто хотела все исправить! — стала оправдываться она сквозь слезы. — Мы ведь практически были помолвлены, и если бы не тот дурацкий случай...

Уилфорт застонал и, прижав руки ко лбу, рухнул на стул напротив обвиняемой.

— Алита, давай уточним, — уже не гневно, а скорее устало заговорил он. — Мы не были практически помолвлены. Да, наши родители давно мечтали нас поженить. И да, я

согласился обдумать такую возможность. Не более того!

— Но если бы не тот случай, если бы не моя глупая ошибка, помолвка бы состоялась! — воскликнула Алита, утирая заплаканные глаза.

Ее платок уже был мокрый насквозь, и Уилфорт протянул ей свой собственный.

— Алита, меньше всего то происшествие походило на ошибку. Возможно, ты просто не хотела этого брака, так же, как и я. Но ты могла просто прямо об этом сказать.

— Я хотела за тебя замуж! — горячо возразила девушка. — И вовсе не собиралась целоваться с Роджером. Я не знаю, как все это получилось. А ты слишком остро отреагировал.

— Угу, — скептически отозвался Уилфорт. — Ты забыла упомянуть, что это произошло в моем доме, в то время как ты фактически считалась моей невестой. И вряд ли вы просто целовались, учитывая, что для поцелуев необязательно избавляться от одежды. Алита, это дела давно минувших дней, зачем вообще было ворошить все это заново?!

Он снова начал раздражаться.

— Я просто надеялась, что, если ты об этом забудешь, мы сможем начать все сначала и пожениться, — проговорила она, опустив глаза. — Просто хотела стереть одно неприятное воспоминание. Что тут такого?

— Что тут такого?! — Уилфорт снова вскочил на ноги, а Алита поспешила повторно вжать голову в плечи. — Ты говоришь серьезно? Ты влезаеть человеку в голову, пытаешься воздействовать на его мысли, изменить память, а потом наивно спрашиваешь, что тут такого? Я начинаю подумывать, что тебе действительно не помешало бы провести некоторое время за решеткой!

Лично мне было совершенно очевидно, что последнюю фразу он сказал не всерьез, но Алита снова громко зарыдала, поднеся к лицу платок.

— Нет, пожалуйста! — простонала она.

Уилфорт застыл на месте, осознав, что слегка перегнул палку. На его щеках горел вызванный сильными эмоциями румянец. Капитан растерянно опустил глаза и выругался сквозь зубы.

— Я действительно не знаю, как тебе теперь помочь, — пробурчал он.

Я кашлянула.

— Господин капитан, разрешите обратиться?

Уилфорт поднял на меня напряженный взгляд. Его глаза тоже покраснели, хотя, конечно, не от слез, как у Алиты, а скорее от утомления.

Я умышленно отошла в другой конец кабинета, как можно дальше от подследственной, и капитан проследовал за мной.

— Существует способ оформить дело так, чтобы девушка не села в тюрьму, — тихо сказала я. И, убедившись, что Уилфорт внимательно слушает, продолжила: — Зафиксирован факт магического воздействия, но можно указать, оно было совершено с вашего согласия. Вы ведь не выдвигали против девушки обвинений. В этом случае речь не идет о правонарушении. Иногда к такой формулировке прибегают, если человек оступился в первый раз и мы хотим дать ему шанс. Разумеется, это будет не вполне по закону, так что решать только вам.

Капитан немного помолчал.

— Благодарю вас, сержант, — так же тихо проговорил он затем. — Можете не сомневаться: свое наказание она получит.

Он протянул руку как будто для пожатия, но едва я вложила в нее свою ладонь, поднес к губам и поцеловал. После чего сразу возвратился к Алите, а я, опешив, стояла и пялилась ему в спину. Слышала, как он распекал девушку, как обещал в красках пересказать все ее родителям, видела, как она побледнела при упоминании даже не отца, а именно матери, и снова ударилась в слезы, к которым Уилфорт на сей раз остался равнодушен. Я все это слышала, но одновременно довольно плохо осознавала. Наконец, стряхнув оцепенение, покинула кабинет. Допрос явно был закончен, и в моих услугах здесь больше не нуждались.

Я стояла в коридоре, не думая ни о чем конкретном, скорее предоставляя мозгу возможность спокойно впитать новую информацию. Всю, от появления опасного магического экстракта и до странного поведения Уилфорта. Всерьез раздумывать о чем-либо не пыталась.

Мысли напоминали кружащие на ветру листья: вроде и в пределах досягаемости, а попробуй-ка поймай. Нет, лучше подождать, пока они осядут на землю.

— Что, темнота, взгрустнулось? — насмешливо спросили меня.

Я недовольно уставилась на Белобрысого.

— Отвоевали себе дело Веллореск, а теперь не знаете, как с ним справиться? — злорадно осведомился он.

И замолчал, ожидая ответного выпада с моей стороны, но не дождался.

— Веллореск... Точно, Веллореск! Спасибо, что напомнил! — воодушевленно воскликнула я и бросилась в наш с ребятами кабинет.

Теперь мне действительно надо было подумать, а людный коридор не казался подходящим местом.

— Ну ты и ненормальная, — пробормотал мне вслед ошарашенный Белобрысый.

Пододвинув кресло к окну, я уселась в него с ногами и устремила взгляд на плывущие медленно меняющие форму облака. Итак, дело Веллореск. Мы не продвинулись в нем потому, что никак не могли найти исполнителя. Темного, умеющего работать с иллюзиями. Но что, если никакого темного не было? Выходка Алиты позволяла взглянуть на эту историю в совершенно новом свете. Итак, что мы имеем? Мелина Веллореск убита при помощи темной магии, и, насколько мы можем судить, заинтересованы в этой смерти исключительно ее братья (главным образом, старший), оба светловолосые. Выйти на темного исполнителя не удастся. Но как раз незадолго до убийства в городе открывается подпольная лавка, в которой торгуют совершенно новым средством, позволяющим светловолосым использовать темную магию. Средство стоит дорого, но член семьи Веллореск может себе такое позволить, особенно если рассчитывает в результате завладеть всем семейным состоянием. Остается выяснить, посещал ли кто-нибудь из братьев (или других фигурирующих по данному делу людей) эту самую лавку.

Сидеть на месте не хотелось: подобная близость к разгадке вызывает во мне жажду деятельности или по меньшей мере движения. Поэтому я для начала направилась во двор, дабы там додумать свои мысли. И столкнулась в дверях с Уилфортом, который, наоборот, возвращался, проводив — а говоря точнее, выпроводив — Алиту Ростри.

— Сержант, вы уже пришли к выводам по делу Веллореск? — деловито спросил он.

— Да, — подтвердила я.

Чувства были смешанные. Точнее, я не могла определиться с реакцией: то ли огорчаться, что не одна я такая догадливая, то ли радоваться, что начальство, судя по формулировке

вопроса, в меня верило.

— Отлично.

С этими словами Уилфорт проследовал к лестнице.

Я полагала, что проще всего будет все выяснить во время допроса хозяина лавки. Но тут нас всех ждало разочарование. Хозяину удалось уйти. То ли у него были хорошие осведомители, то ли идеальное чутье. Так или иначе, отряд захвата, прибыв на место, обнаружил лишь пустое помещение, брошенное, вне всяких сомнений, совсем недавно. Это было более чем досадно, поскольку извлечение «экстракта» не имело прецедентов и представляло серьезную угрозу для общества. Но в данный момент я сосредоточилась на деле об убийстве.

Мы с Диком неспешно осматривали улицу, на которой располагалась интересующая нас лавка. Обычная улица обычного района, не фешенебельного, но и не бедного. Сама лавка — обычный одноэтажный дом с синей дверью. Это главный вход; из рапортов мы уже знали, что имелся также второй, черный, через который хозяин с помощником, собственно, и ушли.

Пронзительный звук на тихой улице сперва заставил вздрогнуть, но мы сразу же успокоились, с интересом взглянув на немолодого скрипача. Худой, чтобы не сказать тощий, мужчина стоял возле высокого белого забора и играл популярную мелодию, не забывая наблюдать за нами неожиданно живым взглядом. Я подошла поближе. Немного послушала, затем бросила в лежащую на земле шляпу медную монету. Смычок немедленно оторвался от струн. Мелодия оборвалась на середине.

— Почему вы перестали играть? — удивилась я.

— Многоуважаемая госпожа, — весело откликнулся скрипач, — я имею честь выступать на этой улице уже много лет и накопил за это время кое-какой опыт. А потому без труда могу определить, платят ли мне деньги за то, чтобы я играл, или за то, чтобы, напротив, играть прекратил.

Я усмехнулась. Что ж, в данном конкретном случае скрипач точно не ошибся.

— Мы и правда хотели бы задать вам пару вопросов.

— Отчего-то я именно так и подумал, — по-прежнему весело откликнулся он.

— Что ж, скажите, пожалуйста, господин...

Я сделала паузу, ожидая, что собеседник представится.

— Зовите меня просто «скрипач», — усмехнулся он. — Такое имя ничем не хуже любого другого, зато отражает суть.

— Как скажете, — не стала возражать я. — Так вот, ответьте, вы играете на этой улице каждый день?

— В любую погоду и без выходных, — отвечивал скрипач.

— И всегда стоите на этом месте? — продолжала допытываться я.

— Как вкопанный, — рассмеялся он. — А что конкретно вас интересует?

— Вот этот дом, — я указала на наглухо закрытую синюю дверь. — Вы видели людей, которые туда заходили?

— Только людей и видел, — заверил скрипач. — Честное слово, не было ни одного зайца или енота.

— Опознать сможете?

— Постараюсь.

Дик передал мне взятые с собой портреты.

— Вот этот? — я начала с Дункана Веллореска.

Скрипач смотрел внимательно, но недолго, после чего уверенно покачал головой.

— Такого здесь не было.

Не скрою, я была разочарована. Но тем не менее продолжила. Следующим шел портрет младшего брата, Свера.

— А этот был, — практически сразу сказал скрипач.

— Вы уверены? — обрадованно уточнила я.

— Абсолютно. Он два раза приходил. В первый раз пробыл довольно долго, во второй — на следующий день — зашел буквально минут на пять.

— И вы так хорошо это помните? — усомнилась я.

— А вы постойте здесь с мое, — усмехнулся он. — Я всех местных голубей наперечет знаю. А тут человек, да еще и мутный такой, волнующийся, озирающийся все время.

Радостно переглянувшись с Диком, я продолжила расспросы. Много времени на них не ушло. Узнав все, что было нужно, я поблагодарила скрипача и бросила еще одну монету в его шляпу.

— О, я погляжу, тель-рейские стражи стали чрезвычайно щедрыми, — отметил скрипач. — Давайте я вам что-нибудь сыграю, господа.

— Не стоит. У меня не осталось при себе денег, — отказалась я.

— Ну что вы! — воскликнул скрипач. — За две монеты я готов сыграть для вас совершенно бесплатно!

И не дожидаясь, пока мы полноценно вникнем в смысл его фразы, принялся виртуозно выводить жизнерадостную мелодию.

Говорят, кто ищет, тот всегда найдет. Не уверена, что всегда. Но тот, кто знает, что именно он ищет, найдет наверняка. Поэтому нет ничего удивительного в том, что опросив немалое число людей, живших или работавших на той же улице, мы нашли еще одного свидетеля, который видел, как Свер Веллореск приходил по интересующему нас адресу.

Дальнейшее было делом техники. В аресте Свера я не участвовала, а вот на допросе, ясное дело, присутствовала. Сначала парень пытался отпираться, но нам, успевшим пообщаться с немалым числом преступников и подозреваемых, по самому его поведению было очевидно: виновен. Потом, без предварительного предупреждения, пришел Уилфорт и также принял участие в допросе. Говоря точнее, взял допрос в свои руки. Практически сразу стало ясно: в этой сфере опыт у него имелся. Мы получили возможность по достоинству оценить те самые грозные интонации, которыми и сами были награждены не далее недели назад. Запугать Свера капитану удалось быстро. А после того как мы устроили ему очную ставку со свидетелями, блондин, окончательно деморализованный, сознался в содеянном.

В целом схема, по которой он совершил преступление, уже была нам известна. Недостающих деталей оставалось совсем немного. Выяснилось, к примеру, что Свер серьезно проигрался в карты. Правда, денег, которые он с трудом, но все же раздобыл на покупку «экстракта», вполне хватило бы на уплату долга. Но парень предпочел сыграть по-крупному и решить свои материальные проблемы раз и навсегда.

Единственное, в чем Свер не признался напрямую, — это как он собирался избавиться от старшего брата, стоявшего между ним и вождленным наследством. По намекам, которые он все-таки обронил, стало ясно, что Дункана ожидал «несчастный случай» во время одного из так увлекавших его научных экспериментов. Магические исследования бывают порой

небезопасны. Однако достаточных оснований для обвинения Свера в подготовке убийства брата мы не получили. Что, впрочем, и не требовалось. При хорошем адвокате и некровожадно настроенном судье Веллореска-младшего ожидало пожизненное тюремное заключение.

Дело можно было считать закрытым, но мне сообщили, что Дункан Веллореск очень просил, чтобы я нанесла ему визит. Ожидать, чтобы человек вроде него заскочил в участок сам, было бы глупо, а перегружена делами я не была, так что решила принять приглашение.

— Я хочу поблагодарить вас, госпожа Рейс, — сказал Дункан после того, как мы расположились в светлой богато обставленной гостиной. — Мне сообщили, что именно вы не дали этому делу зайти в тупик. — Он встал и подошел к окну. — Признаюсь, сначала я почти возненавидел вас за это, — проговорил он, не поворачиваясь ко мне лицом. — Потерять отца и сестру в столь короткий срок достаточно тяжело. Потерять следом еще и брата — слишком жестокий удар. Но, — Дункан все-таки обернулся, затем прошел обратно к своему креслу, — быстро пришлось признать, что не раскрой вы дело, было бы еще хуже. Даже если бы Свер не имел дальнейших планов на мой счет. А как я понимаю, он такие планы имел.

Вопросительный взгляд в моем направлении.

— Планы были.

Я подтвердила его предположение без особого удовольствия, но и причин скрывать не видела.

Дункан печально вздохнул.

— По-своему я тоже виноват, — покаянно пробормотал он. — Не уделял ему должного внимания. С детских лет меня приводили в восторг магические технологии. Особенно все, что связано с передачей информации — эхофоны, эхолинии... Подвиды передатчиков, способы усовершенствования. Большой ученый из меня не вышел, но я стал общаться с экспериментаторами и вкладывать средства в различные проекты. А вот семье времени уделял все меньше. Отец называл меня одержимым и, наверное, был в чем-то прав. Теперь его больше нет, Мелина ушла совсем скоро после него, Свер как будто бы тоже ушел — во всяком случае, тот Свер, которого я знал в детстве. И теперь поздно что-то исправлять.

Я посмотрела на него с сочувствием.

— Знаете, смерть близких всегда сопряжена с чувством вины, — заметила я. — Или почти всегда. Мы чувствуем себя виноватыми, что не вели себя как должно, что не уберегли, что не ушли вместе с ними. Наверное, люди так устроены. На самом же деле никто не всемогущ. И, несмотря на всю нашу неидеальность, близкие люди знают, что любимы.

Дункан, сжав губы, долго сверлил меня взглядом.

— Вы говорите со знанием дела, — констатировал он наконец.

— Да, — я и не собиралась отпираться. — Я тоже потеряла всю свою семью почти в одночасье. Мои родители умерли, когда мне было тринадцать лет.

— Несчастный случай? — сочувственно спросил он.

Я покачала головой.

— Болезнь. Если бы мы жили в Тель-Рее или другом большом городе, возможно, их сумели бы вылечить. Но наш поселок находился слишком далеко, а местные лекари справиться с недугом не смогли.

Наверное, именно с тех пор я возненавидела деревню. И решила во что бы то ни стало перебраться в город. Что и сделала, едва мне исполнилось семнадцать.

— А братья и сестры? — услышала я хриплый голос Дункана.

— Не было.

Последний из рода Веллореск молча покивал. Потом подошел и протянул мне руку.

— Я очень благодарен вам, госпожа Рейс, — сказал он, пожимая мою ладонь. — Если когда-нибудь вам понадобится моя помощь, буду счастлив ее предоставить.

— Благодарю вас, — ответила я.

В участок я возвращалась в приподнятом настроении. Не потому, что планировала воспользоваться гипотетической помощью. А просто потому, что и среди аристократов встречались достойные люди, и на фоне общения с Алитой и Свером было приятно лишний раз в этом убедиться.

Эксперт по магическим технологиям, которого Уилфорт специально вызвал в участок для консультации, оказался рыжеволосым мужчиной средних лет. Цвет его волос несколько меня не удивил: все эксперты в данной области были рыжими. Представители этой, третьей, масти имели особые отношения с магией. Как и темные, они были в меньшинстве, но, в отличие от нас, никогда не подвергались преследованиям и систематическому уничтожению. Их никогда не считали опасными. Потому что рыжеволосые полностью лишены магических способностей.

Эти люди не могут творить даже самую простейшую магию, ни светлую, ни темную. Однако есть у них и определенные преимущества. Во-первых, абсолютный иммунитет к магическому вмешательству. Воздействовать на них ни один маг не способен. Можно было бы сказать, что для этих людей магии просто не существует, если бы не «во-вторых». А «во-вторых» заключается в том, что именно рыжеволосые способны объединить магическую энергию с неодушевленными предметами, участвуя таким образом в создании тех самых магических технологий. К примеру, для создания эхофона требуется темный маг, светлый маг и рыжеволосый специалист. Первый позаботится о телепатическом воздействии на искусственный мозг, второй — о передаче информации на большое расстояние. Но именно третий нужен для того, чтобы неодушевленный аппарат обрел способность воспринимать и перенаправлять на людей магическое воздействие.

Уилфорт поздоровался с экспертом как с человеком давно знакомым, при этом пожав ему руку. Я прищурилась, прикидывая, мог ли наш гость оказаться аристократом. В целом, среди рыжих дворяне встречались, в отличие от темных, каковые, в силу все тех же исторических причин, в высшее сословие входили крайне редко. Однако этот конкретный мужчина на аристократа походил мало. Скорее просто высококлассный специалист, уверенный в себе и знающий, что такое самоуважение, в силу своих профессиональных качеств.

— Господин Генри Рейдон, один из лучших экспертов в области магических технологий, — Уилфорт, как и положено, первым представил гостя. — Сержант Тиана Рейс, следователь отдела по борьбе со злоупотреблением магией темных.

Надо же, имя мое запомнил. Не ожидала.

— Очень рад.

Рейдон дружелюбно протянул мне руку, и мы обменялись рукопожатием.

— Я прочитал ваше письмо, лорд Уилфорт, и постарался собрать всю доступную информацию, — сразу приступил к делу эксперт.

Черт! Он сказал «лорд». Стало быть, прав был Райан: новое начальство все же из

высшей аристократии.

К слову, Уилфорт поморщился, когда Рейдон использовал такое обращение, но возражать не стал.

— Вы успели сделать какие-нибудь выводы? — поинтересовался вместо этого он.

Я в ожидании подалась вперед. Уилфорт пригласил Рейдона специально для того, чтобы разобраться в действии и способе создания таинственного экстракта, который распространял сбежавший торговец.

— Только один: такое невозможно, — с кривой улыбкой сообщил нам Рейдон. — Но учитывая, что существование препарата является, как я понимаю, непреложным фактом, я вынужден отказаться от своего вывода. Однако предложить альтернативу пока не могу.

Он развел руками.

— Дело обстоит настолько плохо? — спросил Уилфорт.

Эмоции на его лице не отражались, только на лбу пролегла пара лишних морщинок.

— Даже еще хуже, — отозвался эксперт, при этом закидывая ногу на ногу так, словно болтал о погоде. — Ограничиться магической энергией одного человека не могли никак, в противном случае ее было бы слишком мало, к тому же было бы невозможно имеющееся, насколько я понимаю, разнообразие воздействий. Зрительная галлюцинация и корректировка памяти — слишком разные способности, чтобы принадлежать одному магу. Но даже если доноров было много... Человеческий организм попросту отторгает чужую магическую энергию. Так что описанное вами действие попросту невозможно. Впрочем, кажется, я повторяюсь. Пожалуй, на основании имеющихся данных я могу заключить следующее. Препарат создан на основе «обезличенной» темной магической энергии, то есть энергии, существующей независимо от носителя.

— То есть от человека? — уточнил Уилфорт, не успела я нахмурить брови.

— Именно, — подтвердил Рейдон. — Эдакая самостоятельно существующая магическая энергия, которую можно извлечь из источника в концентрированном виде. В этом случае человеческий организм вполне мог бы принять энергию на непродолжительный срок. Также было бы реально найти в этом источнике энергетические волны, воздействующие на различные функции мозга.

— Что-то вроде волшебного озера? — намекнул на популярную сказку капитан.

Несмотря на несомненную иронию вопроса, на губах Уилфорта не было и намек на улыбку. И я его понимала. От самой мысли о возможности, высказанной Рейдоном, по телу начинали бежать мурашки.

— Да-да-да! — обрадовался метафоре эксперт. — Молочные реки, кисельные берега... в которых можно неограниченно черпать магический потенциал.

— Такое возможно? — хмурясь, спросил Уилфорт.

— Нет, — с обезоруживающей улыбкой ответил Рейдон. — Но и другого объяснения я не вижу.

— А если. — начал было Уилфорт, но остановился на полуслове.

— Он был уничтожен, — покачал головой умудрившийся понять его эксперт.

О чем они говорят, было неясно, но я сочла неуместным задавать вопросы.

Больше ни к чему мы в ходе той беседы не пришли. Рейдон пообещал продолжить поиск решения. А вскоре Уилфорт уехал. Взял отпуск и покинул город. Совершенно беспрецедентное поведение для человека, только-только вступившего в должность. Мы с ребятами даже предположили, что больше нового начальника уже не увидим. Эта мысль

вызывала во мне смешанные чувства: облегчение переплеталось с сожалением.
Но мы ошиблись. Через неделю Уилфорт вернулся.

Столовая была наполовину пустой. Наиболее стандартное обеденное время — полдень — давно миновало, но я добралась сюда только сейчас. До этого пришлось «добивать» дело одного расшалившегося подростка, для которого злоупотребление темной магией явилось формой юношеского социального протеста. Время от времени нам приходится сталкиваться с подобными явлениями, и в большинстве случаев на первый раз мы стараемся дело замять, очень подробно и в красках объяснив провинившемуся, почему «так поступать не надо».

Доев фасолевый суп, я приступила ко второму — гречневой каше с котлетой. Правда, к котлете я отнеслась с некоторым подозрением. Смуцал болотно-зеленоватый оттенок. Вообще, к чести нашей столовой надо сказать, что кормили там хоть и невкусно, но сытно, и вроде бы никто не травился. Тем не менее котлета пугала, и я, невзирая на неутоленный супом голод, отодвинула ее в сторону. Сосредоточусь лучше на гречке.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Чуть не выронив ложку, я подняла взгляд и обнаружила стоящего рядом Уилфорта.

— Н-нет, конечно.

А что еще мне было сказать?

Кивнув в знак благодарности, капитан опустил на стул напротив меня. Никогда не видела его в столовой. Неужели он тоже будет есть зеленую котлету?

— Вы часто здесь обедаете? — не удержалась от вопроса я.

— Время от времени, — уклончиво ответил Уилфорт.

Между тем к нам грациозно подплыла буфетчица Амалия, обладательница необычайно пышных форм и кудрявых золотистых волос. Амалии был сорок один год, но буфетчица утверждала, что ей тридцать два, и все вежливо делали вид, что верят. На работу в участок она пришла по той единственной причине, что здесь служило много неженатых мужчин.

Плавно покачивая бедрами и прочими частями тела, Амалия опустила на стол перед Уилфортом поднос с тарелками. Я завистливо сглотнула. Ого, а начальство-то котлетами не травят! На блюде с гречкой лежала аппетитная куриная ножка. Причиной моей зависти был даже не тот факт, что Уилфорта кормили курицей. Главная социальная несправедливость заключалась в том, что эта курица была ни капли не зеленой! Я снова покосилась на собственную котлету.

— Желаете десерт? — томно спросила Амалия, склонившись над капитаном.

При этом ее внушительная грудь, совершенно не уместившаяся в платье, оказалась перед самым носом Уилфорта, почти полностью заслоняя ему обзор.

Когда я уже было решила, что именно в груди предложенный десерт и заключается, Амалия все-таки продолжила.

— Сегодня нам завезли спелые апельсины.

Сказано это, правда, было таким тоном, словно речь шла именно о груди.

Я мысленно возмутилась. Это же надо! Мне про апельсины не сказали ни слова. Любопытно, это потому, что я не начальство, или потому, что имела несчастье родиться женщиной?

То ли прелести Амалии не произвели на Уилфорта должного впечатления, то ли ему просто захотелось дышать, что в данном положении было несколько сложно. Но, так или иначе, он отодвинулся и спокойно произнес:

— Хорошо, принесите апельсины мне и моей коллеге.

Амалия возмущенно воззрилась на меня. Тут стоит отметить: буфетчица была свято уверена, что все работавшие в участке женщины пришли сюда по той же причине, что и она. Соответственно, и относилась она к нам как к соперницам, даже не потенциальным, а самым что ни на есть настоящим.

— Простите, но у нас не так много апельсинов, чтобы раздавать их всем работникам участка, — сурово произнесла она, выпрямив спину.

Уилфорт очень внимательно на нее посмотрел. Не сердито, не возмущенно, а именно внимательно, но почему-то от этого взгляда даже мне захотелось побыстрее исчезнуть из столовой.

— Вы всерьез полагаете, — бесстрастным тоном осведомился он, — что я стану есть десерт, в то время как обедающая со мной дама его не получит?

Пробурчав себе под нос нечто неразборчивое, но точно недовольное, Амалия удалилась. Мы приступили к еде. Точнее, я продолжила ковырять гречку, а Уилфорт, почему-то проигнорировав суп, принялся за курицу. Я украдкой наблюдала за процессом. Это надо же — он умудряется есть ножку ножом и вилкой! При этом ножка не норовит выскользнуть, отскочить и вообще нисколько не сопротивляется такому произволу! Вот что называется аристократ.

— Давно хочу вас спросить, сержант, — произнес Уилфорт, делая перерыв в еде, — как вам впервые пришла в голову мысль о том, что в деле Веллореск замешана темная магия? Нет, я понимаю, по каким причинам вы усомнились в версии отдела убийств. Но с другой стороны, самоубийства действительно случаются, а самое простое объяснение нередко оказывается единственно верным. Что в первую очередь заставило вас заподозрить применение темной магии?

Я опустила вилку и отодвинула в сторону тарелку с остатками гречки и злополучной котлетой.

— Наверное, просто интуиция, — ответила я. — Или не просто... За годы работы вырабатывается определенное чутье. Успеваешь увидеть очень много дел, и далеко не все они уникальны. Многие элементы повторяются. Постепенно начинаешь подмечать нужные детали, даже не задумываясь. Странности, мелкие нестыковки. Они играют роль в любых преступлениях, но в тех, где задействована темная магия, — особенно. Нередко только такие вот странности и позволяют выявить сам факт: было совершено преступление. — Я пожалала плечами, чувствуя, что мое объяснение могут счесть неубедительным и вообще недостаточно профессиональным. — Что-то в этом роде.

Уилфорт кивнул. Амалия вернулась и молча поставила перед каждым из нас по тарелочке с апельсиновыми дольками. Так же молча удалилась.

Я задумчиво посмотрела на фрукты. Выглядели апельсины аппетитно, и зелеными не были. Так что мешкала я только по одной причине: засомневалась, как их следует есть. Нет, если бы не присутствие Уилфорта, просто взяла бы руками. Но, видя, как капитан виртуозно доедает курицу, невольно напряглась. Интересно, как полагается есть апельсины в высшем обществе? Наверняка не руками. Может быть, вилкой?

Я покосилась на единственную имевшуюся в моем распоряжении вилку, перемазанную кашей. Нет, пожалуй, использовать такую для апельсинов в высшем обществе точно не стали бы. Представила себе на секунду, как отреагирует Амалия, если я позову ее и потребую еще одну вилку «для апельсинов». И решительно взяла первую дольку в руки. Потом вторую и...

даже не заметила, как доела. До чего же вкусно! Все-таки я обожаю фрукты. Наверное, потому, что достаточно редко могу их себе позволить.

Подняв глаза, вдруг заметила, что Уилфорт смотрит на меня не без интереса. Я почувствовала себя неловко. Небось, поглощала апельсины с совершенно неприличной скоростью.

— Ничего не ела со вчерашнего вечера, — призналась я, чтобы хоть как-то оправдаться.

— Почему? — удивился капитан. — Вы не завтракали?

— Дома еды не осталось, — честно ответила я.

И сразу же пожалела об этом, видя, как у Уилфорта вытянулось лицо. Я почувствовала, что краснею. Он же сейчас решит, будто я жалуясь на низкое жалованье!

— Я просто не всегда успеваю сходить за покупками, — поспешила исправиться я. — Или забываю.

Или ленюсь. К слову, и готовить ленюсь тоже. Нет, уметь умею. В родном поселке, когда я жила у тети, я достаточно много готовила, стараясь помогать ей по мере сил. Но едва переехала в город и стала жить самостоятельно, свела это занятие к минимуму. Ради самой себя напрягаться совершенно не хотелось.

— Странно, а я думал, вы, наоборот, сыты, — заметил Уилфорт.

Я нахмурилась, не вполне поняв, на чем основан такой вывод.

Капитан, от которого не укрылось выражение моего лица, кивком указал на котлету.

— Вы к ней даже не притронулись.

— А вы бы притронулись? — ехидно осведомилась я. Пододвинула тарелку поближе к Уилфорту и повернула так, чтобы бочок с зелеными прожилками смотрел непосредственно на него. — Я, конечно, люблю зеленый — цвет весны, пышных лугов, молодых листьев и все такое... Но зеленые котлеты все же не вдохновляют.

Капитан прищурился, приглядываясь, затем приподнял бровь и нагнулся пониже, чтобы лучше рассмотреть кулинарный шедевр.

— А сразу сказать было нельзя? — не без раздражения спросил он затем.

— Зачем? — удивилась я.

Жаловаться на жизнь не в моих привычках. Тем более малознакомым людям, от которых с трудом представляешь, чего ждать.

Но Уилфорт, которого мой ответ не особенно интересовал, уже махнул рукой, подзывая буфетчицу.

— Курицу будете? — поинтересовался он у меня.

Я замотала головой. Ага, и есть ее при нем ножом и вилкой? Да я лучше с голоду умру! Тем более что в данном случае мне это не грозит: супа, гречки и десерта вполне достаточно.

— Нет, спасибо. Я уже наелась, правда! — спешно затараторила я, стараясь успеть прежде, чем к нам подойдет Амалия. — После апельсина так точно. Курицу я не осилю.

— При вашей работе могли бы быть способны на большее, — иронично хмыкнул Уилфорт, который, кстати сказать, к собственному десерту даже не притронулся и, судя по всему, не собирался.

Однако развивать свою мысль капитан не стал. Его внимание полностью сосредоточилось на подоспевшей буфетчице. Взгляд снова стал пугающе бесстрастным.

— Скажите, любезная, — проговорил он, в то время как Амалия всем своим видом изобразила готовность угодить клиенту, — эта котлета приготовлена из крокодила?

На лице буфетчица отразилось удивление.

— Нет, — пробормотала она.

— В таком случае, может быть, из лягушки? — ровным голосом, с почти искренним интересом осведомился Уилфорт.

— Нет, — растерянно повторила Амалия.

— А из чего же в таком случае? — любопытно спросил капитан.

— Из говядины.

— Как странно... — Уилфорт посмотрел на котлету взглядом, полным недоумения. — Никогда не подозревал, что говядина бывает зеленой.

Буфетчица переменилась в лице и начала что-то лепетать, но капитан ее перебил.

— Не здесь, — сказал он, вставая.

После чего меня оставили в гордом одиночестве. О чем они говорили, я не знаю. Но прежде чем мы с Уилфортом покинули столовую, специально вышедший с кухни повар вручил мне пакет и извиняющимся тоном сообщил, что это компенсация за испорченный обед. Слушала я его с округлившимися глазами, ибо в какой-нибудь приличной ресторации такое поведение, может, и в порядке вещей, но в участковой столовой — попросту нонсенс.

Содержимое пакета я изучила по возвращении в кабинет. Компенсация состояла из нескольких жареных куриных ножек и трех апельсинов. Одним я поделилась с Диком и Райаном, все остальное забрала домой. Кажется, ближайшие дни мне не придется обходиться без завтрака.

Последовавший выходной, на удивление, не прервало ни одно срочное дело. А вот днем позже я снова отправилась в участок. Немного поработала с бумагами, присутствовала на допросе, который проводил Райан (дело было простым, так что в дополнительной помощи коллега не нуждался), и в половине первого вышла в коридор с намерением сходить в столовую. И почти сразу же столкнулась с выходящим из собственного кабинета Уилфортом.

— Идете обедать? — любопытно спросил он.

Я кивнула.

— Я тоже. Составите мне компанию?

Сказать по правде, в обществе капитана я чувствовала себя несколько скованно (на то он и начальство), а потому предпочла бы поесть в одиночестве. Но отказываться было как-то неловко, поэтому, мысленно смирившись с неизбежным, я ответила:

— Конечно.

Мы вместе дошли до конца коридора и спустились по лестнице. Потом свернули направо и только когда дошли до выхода из здания, я сообразила, что что-то не так.

— Э... капитан Уилфорт! Столовая там.

Я мотнула головой в обратную сторону. Спустившись по лестнице, нам следовало повернуть налево.

— А разве я говорил, что мы идем в столовую? — изогнул бровь Уилфорт.

И как ни в чем не бывало прошествовал дальше.

И как прикажете быть в этой ситуации? Ощущение неловкости усилилось, да что там — даже зашкаливало. Чего он добивается? Просто хочет поесть в другом месте? Но зачем в таком случае решил потащить с собой меня? Неужели надумал воспользоваться служебным положением? Не могу сказать, чтобы я прямо уж боялась. В случае чего постоять за себя я способна. Но ведь это все-таки начальство, с ним надо обходиться бережно! А то пойдешь потом объясни, что как начальника отдела и старшего по званию я его глубоко уважаю, а между глаз заехала исключительно как похотливому самцу!

И тут мне в голову пришел способ отвертеться от совместного обеда без особых потерь.

— Я кошелек в кабинете оставила! — с наигранным сожалением воскликнула я. — А талоны в кошельке.

В участковой столовой мы обедали бесплатно, но существовала альтернатива: поесть со скидкой в одном из городских заведений, с которыми у управления стражей была на такой случай специальная договоренность. Нам выдавались талоны, позволявшие питаться в этих тавернах за полцены.

— Ничего страшного, — Уилфорт улыбнулся уголками губ: похоже, моя отмазка его не впечатлила. — Учитывая, что я являюсь вашим начальником, для меня вполне естественно будет вас угостить.

Ничего естественного я в этом не видела. И вообще, надо было придумывать более убийственный аргумент вроде несварения желудка! А сейчас уже поздно. И я, вздохнув, поплелась следом за капитаном.

Ладно, как минимум далеко он меня не поведет, как-никак рабочий день в самом разгаре.

Впрочем, как выяснилось, я была и права и не права одновременно.

В каком-то смысле далеко мы действительно не ушли. Сделали лишь несколько шагов по внутреннему двору, после чего Уилфорт взял меня под локоть. Я напряглась вдвойне, удивляясь, что ожидаемое в целом поведение началось так рано. Но затем поняла, что ровным счетом ничего развратного и вообще предосудительного в действиях капитана не было. Он согнул левую руку в локте, распрямил ладонь, и на кончиках пальцев замерцало слабое свечение. На несколько секунд перед глазами стало темно, а затем я обнаружила, что мы находимся в какой-то ресторации.

Ничего себе! Я разве что не присвистнула. Выходит, Уилфорт обладает даром создания порталов. Для этого надо быть светлым магом высокого уровня.

Я поморгала, привыкая к яркому свету, а затем так и застыла с широко раскрытыми глазами. Желание присвистнуть стало почти непреодолимым. Вот это да!

Все четыре стены обеденного зала были стеклянными, и я осторожно подошла к одной из них. Вид открывался умопомрачительный. Огромное небо, непривычно близкие объемные облака и, если посмотреть вниз, заснеженные горные вершины. Над нами — только небеса. И я сразу же поняла, где мы находимся. Ресторация «Поднебесье». Одна из лучших в королевстве. Об этом месте слышали все, но вот бывать здесь приходилось немногим. Из моего круга — так и вовсе никому.

Это заведение располагалось на вершине самой высокой из Рондерских гор. Сюда не вела ни одна проезжая дорога и ни одна, пусть даже самая крутая, пешая тропа. В ресторацию можно было попасть только воспользовавшись магическим порталом. Следовательно, это место было доступно лишь для двух категорий людей. Первые — это те, кто, как Уилфорт, умеют такие порталы создавать. Для этого нужно быть сильным светлым магом и к тому же обладать соответствующими врожденными способностями, так что таких людей совсем немного. Вторые — это обладатели магических амулетов, которые переносят своего хозяина через портал вне зависимости от способностей последнего. Еще одна разновидность магических технологий, плод совместной работы светлых магов и рыжеволосых экспертов.

Следует заметить, что стоят такие амулеты безумно дорого. Магов, умеющих создавать порталы, мало, потому и приборы, наделенные аналогичными свойствами, — редкость. А за

все редкое приходится очень дорого платить. Соответственно, данную ресторацию посещали в основном весьма богатые люди. Хотя формально доступ был открыт для всех, так что теоретически светловолосый бедняк, обладающий нужным даром, вполне мог сюда заявиться.

Уилфорт, однако, к беднякам отношения не имел и в амулетах не нуждался. Так что я не слишком удивилась, заметив, что он хорошо ориентируется в этом месте и явно попал сюда далеко не в первый раз.

— Добрый вечер, лорд Уилфорт. Леди, — вежливо поприветствовал приблизившийся официант.

Я отметила для себя две вещи. Во-первых, Уилфорта здесь действительно знали. Во-вторых, меня никогда еще не называли «леди».

— Будут ли предпочтения касательно столика? — все тем же вежливо-ровным голосом осведомился официант.

Капитан проследил за моим взглядом, невольно вернувшимся к сверкающим на солнце вершинам.

— У окна, больше никаких, — ответил он.

Поклонившись, официант проводил нас к одному из свободных столиков. Любезно пододвинул мне стул. Уилфорт сел напротив без посторонней помощи.

— Что будете заказывать?

Мне в руки вложили меню, но разобраться в незнакомых наверняка названиях не пришлось.

— У вас есть какие-нибудь определенные пожелания? — спросил Уилфорт.

Я покачала головой. Потом подумала и уточнила:

— Только не котлеты.

Капитан едва заметно улыбнулся.

— Не думаю, что здесь такое подают, — заметил он, имея в виду не то котлеты вообще, не то подвид «котлета говяжья зеленая».

— И еще не куриные ножки, — поспешно добавила я, с ужасом сообразив, что не владею ножом и вилкой в должной степени виртуозно.

Уилфорта это внезапное заявление, кажется, слегка удивило, но он лишь вежливо кивнул, после чего сделал заказ самостоятельно, указывая официанту на какие-то наименования в меню. Я нервно подумала, что «правильно» есть куриные крылышки наверняка труднее, чем ножки, но упоминать еще и это блюдо не стала.

Официант ушел, чтобы вскоре вернуться с напитками. С подноса на стол переключалось вино, которое было сразу же разлито по большим пузатым бокалам, а также графин с водой.

— М-да, талоны здесь, наверное, не принимают, — проявила недюжинную проницательность я, с трудом оторвав взгляд от завораживающего вида.

— Не все ли равно? Вы ведь все равно забыли их в кабинете, — улыбнулся Уилфорт. — Можете не беспокоиться, я ведь сказал, что намерен вас угостить.

Наверное, мне следовало бы в очередной раз напрячься и почувствовать себя неловко, но подействовала то ли улыбка Уилфорта, то ли потрясающий вид за окном. И я тоже улыбнулась в ответ. После чего вновь устремила взгляд на стеклянную стену, которую здесь почему-то называли окном.

— Вам нравится? — поинтересовался Уилфорт.

Я энергично кивнула.

— Думаю, любому бы понравилось, — заметила я. — Вид совершенно уникальный. Даже странно, что не все столики стоят у окон.

Это действительно было так. Основная часть столиков располагалась вдоль прозрачных стен, но некоторые стояли и в центре просторного зала.

— Есть посетители, у которых от этого зрелища кружится голова, — пояснил Уилфорт. — Например, из-за боязни высоты.

— Если они боятся высоты, зачем тогда приходят в эту ресторацию? — искренне удивилась я.

— Отличный вопрос, — отчего-то рассмеялся Уилфорт.

Еду принесли на удивление быстро. На удивление — учитывая, что в таком заведении ее несомненно готовят на заказ, а не просто разогревают заранее припасенное. Официант поставил передо мной тарелку со среднепрожаренным куском мяса (то ли говядины, то ли телятины) внушительных размеров. В качестве гарнира имелись маленькие картофелины, запеченные в каком-то хитром соусе.

Признаться, я смотрела на мясо без особого восторга. Нет, сложностей с тем, чтобы прилично его съесть, не возникнет. Орудовать ножом и вилкой я умела, а это вам не куриная ножка. Костей здесь не было вообще. Однако на вкус я предпочитаю как раз таки птицу. Или, к примеру, рыбу. К мясу же отношусь достаточно равнодушно.

Тем не менее, вооружившись ножом и вилкой, я отрезала первый кусочек и аккуратно положила его в рот. После чего, расширив глаза от удивления, проглотила с невероятной скоростью. И поспешила отрезать второй.

Мясо буквально таяло во рту; вкус был необыкновенный. Кажется, мне придется пересмотреть свои приоритеты в еде.

— Потрясающе! — честно призналась я, только сейчас заметив, что для себя Уилфорт заказал то же самое.

— «Поднебесье» славится своими мясными блюдами, — с легкой улыбкой сообщил капитан. — В этом отношении ни одно заведение не может с ним соревноваться.

В слова Уилфорта я охотно верила и на какое-то время сосредоточилась на еде, позабыв даже про вид из окна. Когда количество мяса в моей тарелке существенно уменьшилось, я вспомнила про окружающий мир и сочла, что неформальная обстановка позволяет задать спутнику некий интересующий меня вопрос.

— Скажите, господин капитан, что привело вас в наш участок?

Спросила и с трудом поборола искушение вжать голову в плечи, сомневаясь, не слишком ли сильно обнаглела.

— Вы умеете задавать правильные вопросы, госпожа Рейс, — откликнулся он, опуская вилку. — Но — увы. Я охотно ответил бы практически на любой ваш вопрос, но не на этот.

— В таком случае могу я задать другой вопрос? — воодушевилась я.

Наглеть так наглеть. А на честный ответ касательно причин появления капитана в тельрейской страже я, признаться, не слишком-то и рассчитывала.

— Задавайте.

— Куда вы ездили во время отпуска?

Какое-то время Уилфорт внимательно, даже прищурившись, меня разглядывал, затем произнес:

— Вы определенно умеете задавать правильные вопросы. Полагаю, причина вашего интереса — не праздное любопытство?

— Конечно же нет! — поспешно заверила я. Он что же — решил, будто я собралась посплетничать на эту тему с коллегами по работе? — Во время разговора с экспертом по магическим технологиям вы упомянули нечто, что было уничтожено. Если я понимаю правильно, у вас возникла версия касательно того, как создается экстракт темной магии. Вы уезжали, чтобы проверить эту версию?

Уилфорт усмехнулся.

— При других обстоятельствах я бы, пожалуй, не стал отвечать на этот вопрос, — заметил он. — С моей точки зрения, данное дело выходит за рамки компетенции городской стражи Тель-Рея. Однако, — он слабо улыбнулся, — я уже, в сущности, пообещал дать ответ на любой ваш вопрос. К тому же если бы не вы, неизвестно, как долго еще мы бы не узнали о существовании «экстракта». Поэтому, пожалуй, я отвечу.

Он задумался, видимо прикидывая, с чего начать. Я затаила дыхание. Что скрывать, тема темного «экстракта» не давала мне покоя с тех самых пор, как мы впервые узнали о его существовании.

— Полагаю, вам доводилось слышать о Темной Ограде? — осведомился Уилфорт.

Я кивнула. Еще бы не приходилось!

— У темноволосых ее принято называть Гранью Безопасности.

— Верно, — кивнул Уилфорт. — Что вам о ней известно?

подавив порыв напомнить, что в данный момент вопросы задаю я, а не он, принялась вызывать в памяти знания по истории королевства.

— В эпоху гонений темноволосые, находившиеся на грани уничтожения, бежали на восток и нашли укрытие в долине, именуемой Темным Оплотом.

— Это название она получила в результате описываемых вами событий, — прокомментировал Уилфорт. — Раньше она называлась Кернской Пустошью. Продолжайте.

— Там были, да и есть, тяжелые условия обитания, — заметила я. — Видимо, поэтому место называлось пустошью и поэтому там практически не жили светлые. А темные, спасавшие свои жизни, были готовы освоить и такое негостеприимное место.

Мой взгляд был устремлен на окно, но великолепие поднебесного пейзажа я сейчас не видела. Перед моими глазами развивалась история, к которой не может оставаться равнодушным ни один темный. Ибо она затронула предков почти любого из нас. Если бы в те времена все сложилось иначе, ни одного из нас не было бы сегодня в живых. Поэтому я смотрела на светло-синие небеса с редкими вкраплениями белых облаков, а видела тоскливую, серую, пустынную землю, поросшую голыми деревьями, и маленькие нищенские домики, больше похожие на палатки, в которых ютились как бывшие крестьяне, так и недавние торговцы, мастера и даже дворяне.

— Чтобы защитить себя от преследований, они построили магическую стену, — я услышала свой глухой голос словно со стороны. — Самые сильные темные маги, обладавшие самыми разными способностями, собрались вместе и трудились целую ночь. Плодом их трудов стала та самая Грань Безопасности. Сгусток магии, забор, через который мог беспрепятственно пройти любой темный, а вот для светлых вход был закрыт. Проникнуть на территорию Оплота светловолосые могли только по специальному приглашению правителя темных или одного из его приближенных. Эти люди имели возможность пропустить на свою новую землю любого, независимо от масти.

— Все верно, — подтвердил Уилфорт. — И чем все закончилось?

— После Воссоединения, сто пятьдесят лет назад, магическое ограждение было

уничтожено.

Я нахмурилась. Какое-то смутное воспоминание, ассоциация, промелькнуло, чтобы вновь спрятаться в глубинах сознания. Мои мысли занимало сейчас иное. То, с чего начался наш разговор. «Экстракт».

— Вы полагаете, — медленно, продолжая мысленно взвешивать ситуацию, произнесла я, — что именно Грань Безопасности была использована для создания того газа, который купили Алита и Свер?

Я была так увлечена, что даже забыла назвать Алиту госпожой и по фамилии. Но Уилфорт, кажется, не обратил на это внимание.

— Скажите, госпожа Рейс, почему вы до сих пор всего лишь сержант? — полюбопытствовал он, склонив голову набок.

— Хороший вопрос! — просияла я. — Спросите об этом у начальника моего отдела. На самом деле, — добавила я уже всерьез, — я должна получить старшего сержанта в течение ближайших месяцев.

Капитан кивнул.

— Темная Ограда — единственное в истории место, где темная магическая энергия существовала, как выразился Рейдон, независимо от носителей, — возвратился к предшествовавшему разговору он. — Насколько нам известно, ее аналогов не существовало и не существует.

— И вы поехали, чтобы проверить эту версию? — понимающе спросила я.

— Именно так.

— И что же?

Капитан улыбнулся, но это была улыбка с примесью разочарования.

— И ничего. Официальная версия событий соответствует действительности. Ограда была уничтожена. Как вы, несомненно, знаете, на территории Темного Оплота на сегодняшний день существуют самые обычные поселения. Благодаря современным магическим технологиям эта долина стала вполне пригодной для жизни. Проехать туда может абсолютно любой человек. И даже эксперты подтверждают: никаких остатков темной магии на месте бывшего ограждения нет. Так что мое предположение не подтвердилось.

Я с досадой поджала губы: это было обидно. Версия действительно казалась весьма перспективной. Ну и, конечно, в колодец воцарившегося между нами молчания камнем ложилось понимание: если однажды подобный магический источник был создан, теоретически его могли создать и во второй раз.

— Как вам понравился ваш обед? — вежливо спросил бесшумно приблизившийся официант.

— Благодарю вас, восхитительно, — искренне ответила я и удивленно застыла.

Как оказалось, официант пришел не только для того, чтобы забрать опустевшую тарелку. Он также поставил на ее место стеклянную вазочку, над краями которой возвышалась горка нарезанных фруктов. «На глазок» я смогла определить апельсины, бананы, яблоки, клубнику и киви. Официант уже удалился, и я подняла удивленный взгляд на Уилфорта.

— Десерт, — пожал плечами капитан, напротив которого никаких вазочек не поставили. — Я же не знал, любите ли вы именно апельсины или фрукты вообще. Поэтому счел такой вариант оптимальным.

Вид десерта вызывал чувство восторга в сочетании с досадой.

— Я люблю фрукты вообще, — сообщила я, — но опасаясь, что ваш оптимальный

вариант просто-напросто не уместится в моем далеко не оптимальном желудке. Этот салат — он же огромный!

Если бы меня предупредили заранее, я бы хоть на мясо так не налегала! Хотя нет, на такое мясо все равно бы налегала...

— Съешьте столько, сколько захотите, — бесстрастно пожал плечами Уилфорт. — Остальное выбросят.

— Выбросят?! — возмутилась я. — Да я скорее лопну, чем допущу подобное! — Простите, господин капитан, но вы сами виноваты, — решительно заявила я. — Похоже, что наш сегодняшний обед затянется. Ибо я не уйду отсюда до тех пор, пока не съем этот десерт до самого последнего кусочка. И буду ждать столько, сколько понадобится, чтобы у меня освободилось для него место.

Договорив, я сообразила, что наверняка высказалась совершенно неподобающим образом. Для «Шахматной доски» нормально, но никак не для «Поднебесья». Однако слово, как известно, не воробей, да и Уилфорта, на которого я настороженно покосилась, мое высказывание, похоже, позабавило, но не смутило. И я приступила к еде.

В плане правил поедания десерта все оказалось понятно. Рядом с вазочкой на стол передо мной положили специальную вилку. Существенно короче мясной и всего с тремя зубцами. Прикрыв глаза, я провела мысленную работу над собой. Представила, что мой желудок стремительно растягивается, становясь огромным-преогромным, и в нем освобождается много свободного места. Потом вонзила вилку в половинку апельсиновой дольки.

— Скажите, госпожа Рейс, — Уилфорт сидел в обманчиво расслабленной позе, откинувшись на высокую спинку мягкого бежевого стула, — каков ваш магический дар?

Я чуть не поперхнулась, но стоически доела отправленный в рот кусочек апельсина, и лишь потом сказала:

— Полагаю, вы смотрели мое личное дело?

Конечно, это не было ответом; я просто тянула время, не зная, как быть. После того как Уилфорт поделился со мной информацией, отмолчаться было неловко; с другой стороны, ответить тоже было нельзя, да и не хотелось.

— Смотрел. — Судя по недовольной гримасе, Уилфорт прекрасно понял мой маневр. — Мне известно, что вы обладаете базовыми навыками, которые развивают у всех темных стражей — основы обезболивания, телепатии и блокировки темного воздействия. Но меня интересует ваш основной, индивидуальный дар.

— Увы, господин капитан. Я охотно ответила бы практически на любой ваш вопрос, но не на этот, — припомнила я его собственную фразу. — Вы ведь знаете, что эта информация определена как засекреченная. Разрешить разглашение мне может только полковник.

Уилфорт кисло поморщился, и я вдруг поняла: с полковником он на эту тему уже говорил. И безуспешно.

— Не понимаю, в чем причина такой таинственности, — пожаловался он. — Хорошо, не разглашать информацию кому попало — это более чем логично. Но скрывать ее от вашего непосредственного начальства? В конце концов, это может повредить работе. И ладно бы это были только вы! Так нет, дар сержанта Лейкоффа тоже под секретом! Не участок, а рассадник тайн и интриг, почище иного дворца. Вы-то сами знаете, какой дар у вашего товарища?

Я знала. Знала и потому хорошо понимала, в силу каких причин дар Райана засекречен.

Возможно, начальник отдела и вправду должен иметь доступ к подобной информации, но не мне оспаривать решение полковника.

— Вижу, что знаете, — раздраженно отметил Уилфорт.

Я виновато прикусила губу.

— Что ж... Стало быть, любой мой вопрос...

Капитан определенно умел извлекать выгоду из любой ситуации. Но его прервали.

— Алджи! Как я рада тебя видеть! — воскликнула молодая женщина в длинном темно-сиреневом платье.

Цвет наряда отлично контрастировал с песочного цвета волосами, тщательно уложенными в высокую прическу. В серьгах и ожерелье посверкивали драгоценные камни.

Я даже не сразу поняла, что обращение «Алджи» относится к моему спутнику. Сообразила, лишь когда он поднялся и, отодвинув стул, шагнул ей навстречу. Кстати, особой радости в выражении его лица я не увидела. По-моему, появление блондинки капитана скорее раздосадовало.

— Лерия, дорогая! Какой сюрприз! — тем не менее произнес он, целуя грациозно протянутую руку приблизившейся к нашему столику девушки. — Не ожидал встретить тебя здесь.

— Да, это не самое любимое мое место, — подтвердила та, ни капли не смущаясь, что ее отлично слышали по меньшей мере двое официантов. По-моему, их присутствие вообще мало ее волновало. Как, кстати, и мое. — Но здесь, внизу, — она небрежно кивнула на окно, видимо подразумевая расположившийся у подножия городок, — находится одна из галерей моего отца. Разве ты не знал?

Уилфорт легонько мотнул головой, не придавая большого значения этой информации.

— Так вот, мне иногда доводится здесь бывать. Ну, знаешь, проверить, что все идет как надо и организаторы выставок не обнаглели сверх меры. Как раз сейчас я остановилась в одной местной гостинице — отвратительной, скажу я тебе, — доверительно шепнула она. Я удивилась: насколько мне было известно, гостиницы в этом городке отличные. — Вот и припомнила это самое «Поднебесье». А как сюда занесло тебя? — Она впервые устремила взгляд в мою сторону. Равнодушно оглядела синюю форму и, видимо сочтя, что все поняла, потеряла ко мне всякий интерес. — Ты что же, обсуждаешь рабочие дела за обедом в ресторациях?

— Ну не в участковой же столовой мне их обсуждать, — бесстрастно пожал плечами Уилфорт.

От упоминания подобного места Лерия брезгливо поморщилась, хотя, я готова поспорить, столовую (ни участковую, ни какую-либо другую) она не видела в своей жизни ни разу.

— Это точно, — согласилась она. — Эй, ты! — это восклицание было обращено к официанту. — Перенеси мой заказ за этот столик. И поживее! Если рыба остынет, ваш повар будет готовить новую. И именно готовить новую, а не разогревать эту!

Не спрашивая ни мнения Уилфорта, ни тем более моего, она заняла место за нашим столом. Капитан в восторг не пришел.

— Лерия, ты же понимаешь, что обсуждение наших рабочих дел не будет тебе интересно, — попытался отделаться от незваной гостьи он.

Та то ли не поняла намека, то ли сделала вид, что не понимает. Не удивлюсь, если справедливо было первое предположение. Давно заметила, что люди этого типа просто не

замечают того, что может идти вразрез с их интересами. Наверное, срабатывает какой-то хитрый психологический механизм, не слишком далекий от магии, и неприятная информация отсеивается мозгом, так и не доходя до сознания.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь, — чарующе улыбнулась блондинка, перед которой как раз поставили блюдо с рыбой и бокал белого вина. — Но ничего, я подожду. Вот — у меня есть прекрасная еда, вид из окна тоже сносный, так что будет на что отвлечься.

И в подтверждение своих слов она отправила в рот маленький кусочек рыбы. Настолько маленький, что лично я бы, пожалуй, даже не почувствовала вкуса.

Поняв, что резерв допустимых возражений исчерпан, Уилфорт опустил на стул.

— Знаешь, совсем недавно я видела министра Беннета, — заметила Лерия, бросив в мою сторону короткий, но уничижительный взгляд. Дескать, у тебя-то подобных знакомств нет и быть не может. Впрочем, тут она бесспорно права. — Он очень расстроен твоим внезапным отъездом. Считает, что это какое-то недоразумение. Даже хочет обсудить его с королем.

— Король не считает мой отъезд недоразумением, Лерия, — поморщившись, откликнулся Уилфорт. — И давай закончим на этом обсуждение моего отъезда.

Девушка на миг нехорошо прищурилась, кажется, готовая оскорбиться, но передумала, и ее лицо озарила милая улыбка.

— Хорошо. Ты слышал, что леди Контбери родила двойню?

— Нет.

— Всего две недели назад! Я была у них в гостях. Младенцы очаровательны. Мальчики. Лорд Контбери, конечно, вне себя от гордости.

Лерия щебетала, Уилфорт слушал, а я чувствовала себя лишней на этом празднике жизни. Мое участие в разговоре, ясное дело, не предполагалось, да и само присутствие за столом казалось почти беспардонностью. Как-то разом вспомнилось, что ресторация эта — для лордов и леди, что почти все присутствующие — светловолосые богачи, что они ярко и модно одеты, в то время как я сижу в синей форме стражи и потому наверняка выгляжу здесь будто свинья посреди озера.

Фруктовый салат, который я потихоньку пожевывала, будто полностью утратил вкус. И я вдруг разозлилась на Уилфорта, который притащил меня сюда и заставил выглядеть настолько нелепо. Сам-то он, хоть и накинул форменный синий камзол, смотрелся в этой ресторации совершенно естественно, будто именно для таких, как он, это место и предназначалось. Да что там будто? Именно так оно и было. Но я-то что здесь делаю?

При других обстоятельствах я бы тихонько встала и просто ушла. Ушла бы, начисто забыв про недоеденный салат и в такой ситуации несколько о нем не жалея. Ушла бы, не считая нужным спросить разрешения у Уилфорта и даже поставить его в известность. Потому что не люблю присутствовать там, где я не нужна. Полагаю, именно на такой поступок с моей стороны и рассчитывала Лерия. Именно этого она добивалась, старательно делая вид, будто меня не существует, и изо всех сил занимая Уилфорта разговором о высшем свете, об их общих знакомых, подчеркивая тем самым, насколько я не принадлежу к их кругу. Уилфорт не так чтобы получал от беседы особое удовольствие, скорее не имел повода перебить девушку, соблюдая при этом нормы приличия.

Меня же нормы приличия волновали куда как меньше. Вот только уйти я не могла. Ведь покинуть ресторацию, равно как и попасть сюда, можно было исключительно через портал. А создавать оные я не умела, да и соответствующие амулеты были мне, ясное дело, не по

карману. И вот этого Лерия, видимо, не учла.

— Все это очень интересно, Лерия, — как-то совершенно неуверенно произнес Уилфорт. — Но, кажется, ты забыла. Мы с коллегой пришли сюда, чтобы обсудить некоторые рабочие моменты. Тебе они неинтересны, но обсудить их необходимо.

Сказать по правде, я не ожидала, что он это скажет. И сразу почувствовала себя существенно лучше.

— А тебе самому они действительно интересны? — Лерия изобразила проницательный взгляд. — Алджи, со мной ты можешь говорить откровенно. Я же прекрасно понимаю, что это не твой уровень.

— Неужели? — хмыкнул Уилфорт.

— Представь себе, — с напором ответила девушка, уловившая в его вопросе сарказм. — Ты — в роли капитана. Прости, Алджи, но это просто нелепо.

Внезапно она отвлеклась от разговора и расширившимися глазами уставилась себе в тарелку. Я предположила, что туда заполз таракан, и даже успела удивиться, как это насекомое попало так высоко в горы. Неужели переместилось с кем-то через портал? А может, это такие особые магические тараканы, которые умеют открывать пространственные порталы самостоятельно?

— Что это? — прошипела, скривившись, Лерия.

Я приподнялась и вытянула шею, выискивая в тарелке девушки то, что так сильно ее возмутило. Наконец не без труда обнаружила маленькую черную точку.

— Что это такое?! — уже громче повторила блондинка.

— По-моему, это просто кусочек черного перца. Специя, — на всякий случай уточнила я.

— Мне совершенно безразлично, что это такое, — непоследовательно заявила Лерия. — Немедленно сюда! — громко крикнула она.

Официант предсказуемо догадался, что это восклицание обращено именно к нему. Я успела заметить, как скривились его губы, но полсекунды спустя он уже шагнул к нам с любезной улыбкой на лице.

— Это просто недопустимо, — процедила Лерия, указывая на злосчастный перец. — У меня нет слов. Замените это блюдо немедленно. И скажите вашему повару, что если новая рыба не будет готова через десять минут, то через двадцать минут он потеряет работу!

Официант удалился со словами извинения.

— Ну и зачем было устраивать сцену? — осведомился Уилфорт. — Кстати, к твоему сведению, здешняя кухня нравится лично королю. Так что увольнять повара никто не станет.

— Не решай за меня, чем мне питаться, — огрызнулась Лерия.

— Не решай за меня, где мне работать, — парировал Уилфорт.

Лерия пробурчала что-то неразборчивое, а я почувствовала, как откушенный кусочек клубники приобретает вкус.

Меж тем к ней подплыл официант и, рассыпавшись в извинениях, предложил, пока готовится рыба, насладиться салатом из экзотических овощей за счет заведения. К слову, официант был не тот, что прежде. Похоже, у того просто не хватило нервов на эту дамочку или гордость не позволила пресмыкаться так, как того было нужно ей.

— Кажется, ты собирался говорить о работе, — мрачно напомнила Лерия, разглядывая салат.

Уилфорт посмотрел на меня. В его глазах читались сомнения. Ситуация была, прямо

скажем, неловкая, ведь никакие конкретные рабочие моменты мы обсуждать не планировали. Можно было, конечно, приступить к беседе об одном из недавно раскрытых дел, но какой в этом смысл?

И тут у меня возникла идея. Я не имела представления о том, как к ней отнесется Уилфорт, но стараниями Лерии мне уже было все равно. Разозлится — значит, разозлится, его дело. В конце концов, я не просила приводить меня в эту ресторацию и тем более знакомить с этой особой.

— Когда к нам присоединилась уважаемая леди, я как раз собиралась доложить вам о том, как продвигается дело Картера, — «напомнила» я.

Уилфорт устремил на меня испытывающий взгляд, но вслух как ни в чем не бывало произнес:

— Докладывайте.

— Есть! — громко отчеканила я, заставив Лерию вздрогнуть. Впрочем, она тут же возвратилась к еде. — Как вы знаете, тело было найдено в чрезвычайно плохом состоянии, — начала вдохновенно сочинять я, — поэтому экспертам пришлось серьезно потрудиться. По изъеденному червями труп очень сложно определить причину смерти, равно как и наличие магического вмешательства.

Звякнула вилка. Лерия перевела на меня ошарашенный взгляд. Я же смотрела исключительно на каменное лицо Уилфорта. Мое собственное лицо было не менее каменным.

— Его живот пострадал особенно сильно, — продолжала я, — поэтому сложно определить, чем именно Картер питался перед смертью. Что бы он ни съел, этим уже успели полакомиться черви. Правда, эксперты попытались получить информацию, исследовав самих червей.

Вскрыли им животы и долго рассматривали под магической лупой.

Я говорила и при этом старалась не представлять себе сказанное. Это просто поток слов, ничего не значащая череда звуков. А то мне еще фрукты доедать. Зато цвет лица Лерии из просто бледного постепенно превращался в зеленый.

— Животы? — переспросил Уилфорт, и мне показалось, что уголки его губ очень слабо изогнулись, всего на одно мгновение. Да, с анатомией червей я, кажется, немного перемудрила. Затем с прежним каменным лицом он осведомился: — Вам удалось выяснить, какая болезнь поразила покойного перед смертью? При первичном осмотре были обнаружены язвы. Какого цвета оказались их края? Красного или коричневого?

— Конечно, красного! — воскликнула я. — Если бы коричневого, то черви к трупу бы не приблизились!

Лерия закашлялась и поднесла ко рту салфетку.

— Пожалуй, ваши разговоры для меня действительно несколько... скучны, — проговорила она. — Лучше я вернусь за свой столик.

Может, кому-то это и покажется странным, но останавливать ее ни Уилфорт, ни я не попытались. После того как мы снова остались вдвоем, капитан некоторое время сверлил меня все тем же испытывающим взглядом, откинувшись на спинку стула. Затем, не отводя глаз, неспешно произнес:

[Купить полную версию книги](#)